

МЕЛЬНИКОВА Елена Александровна / MELNIKOVA Elena A.

Институт всеобщей истории РАН / Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

Melnikova_2002@mail.ru

**«ОН БЫЛ В ГРИКЛАНДЕ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ВОЙСКА»:
СКАНДИНАВ В ВИЗАНТИИ***

**‘HE WAS IN GREECE, THE COMMANDER OF THE RETINUE’:
A SCANDINAVIAN IN BYZANTIUM**

Abstract: The article deals with the activities of Scandinavians who came to Byzantium directly from the North during the Viking Age. The main stimulus for their travels to the Empire was acquisition of riches and fame. Both goals were best achieved by military service in the Byzantine army and fleet from the beginning of the tenth century and in the emperor’s guard since the end of the tenth century. The trade expeditions from Scandinavia to Byzantium which started probably in the ninth century were suppressed in the tenth century by the Rus’ (Scandinavians who took roots in Eastern Europe) that seized Kiev and settled there. The trade with Byzantium was a vital necessity for the Rus’ and they strived to monopolize it. After the adoption of Christianity in the eleventh century the earliest information about the pilgrimages to Constantinople or the Holy Land appears. Such travels were not numerous though the sacral objects and places in Constantinople attracted attention of Scandinavian mercenaries who served or passed the one of the capitals of the Christian world.

Ключевые слова / Keywords: Скандинавия, Византия, эпоха викингов, наёмничество, торговля, паломничество / Scandinavia, Byzantium, Viking Age, mercenaries, traders, pilgrims

В конце XI в. некий Рёгнвальд заказал знаменитому мастеру-рунографу Эпиру мемориальную стелу в память о своей матери и дополнил традиционный текст горделивыми словами: «Руны велел высечь Рёгнвальд. Он был в Грикланде предводителем войска»¹. Местечко, где установлен этот камень шириной в пять и высотой в три метра, Эд (Упланд, Средняя Швеция), находилось на пересечении торговых путей и было богатой усадьбой, которой владели предки Рёгнвальда. О благосостоянии последнего говорит уже то, что он мог позволить себе воздвигнуть подобный камень и пригласить одного из лучших мастеров своего времени. Можно предполагать, что Рёгнвальд был местным хёвдингом, который

---

* При подготовке этой статьи в отдельных случаях использованы некоторые предыдущие публикации автора, в которых рассматриваемые здесь вопросы освещаются более полно или затрагиваются в других контекстах.

¹ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (=Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 352–353 (Часть Б, Приложение 1, № 22).

собрал окрестных искателей богатства и славы и со своей дружиной отправился в далёкую Византию — источник земных благ².

До начала X в. появления скандинавов в Византийской империи³, насколько можно судить по письменным и археологическим источникам, были нерегулярны и не слишком часты. Мы знаем о послах-росах (свеонах-шведах), прибывших к императору Феофилу незадолго до 839 г., по свидетельству Бертинских анналов⁴; о флотилии росов, осадивших великий город в 860 г. (по древнерусским летописям, под предводительством Аскольда и Дира) и, позднее, но до 866 г., об их послах, пришедших в Константинополь с просьбой прислать к ним епископа для крещения, чём пишет патриарх Фотий⁵; наконец, о войске князя Олега, в 907 г. остановившегося у стен города, а затем о его послах, договаривавшихся об условиях мира, согласно древнерусским летописям⁶. Однако уже ко времени заключения договора Олегом (2 сентября 911 г.) эти спорадические контакты сменяются постоянными, практически ежегодными торговыми караванами и отрядами воинов-скандинавов, готовых служить любому щедрому правителю, в том числе византийскому императору. Изменение в частоте и характере поездок скандинавов в Византию отразилось прежде всего в древнейших сохранившихся документальных источниках — русско-византийских договорах, сам факт заключения которых служит безусловным свидетельством интенсивности связей. Двойственная деятельность скандинавов в Византии — торговая и военно-грабительская — подразумевается уже в первом из договоров, помещённом в Лаврентьевской и

² О восприятии Византии в Скандинавии см.: *Sverrir Jakobsson. Centre and Periphery in Icelandic Medieval Discourse // A' austrvega. Saga and East Scandinavia: Preprints Papers of the 14th International Saga Conference: Uppsala, 9th–15th August 2009 / Ed. A. Ney, H. Williams and Fr. Charpentier Ljungqvist. Gävle, 2009. P. 918–924. URL: <http://hig.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A224754&dswid=7769> (07.12.2022).*

³ О скандинавах в Византии см.: *Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Он же. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–376. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/4899-t-1-vizantiya-i-pechenegi-varyago-russkaya-i-varyago-angliyskaya-druzhina-v-konstantinopole-xi-i-xii-vekov-o-varyago-russah-1908> (07.12.2022); *Ellis Davidson H. The Viking Road to Byzantium. London, 1976; Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History / Transl., revised, and rewritten by B. S. Benediktz. Cambridge; New York, 1978; Scheel R. Skandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen, 2015; Sverrir Jakobsson. The Varangian. In God's Holy Fire. Cham, 2020. См. также материалы конференций: Le Pays du Nord et Byzance: Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979 / Red. R. Zeitler. Uppsala, 1981; Bysans och Norden: Akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konvetenskap 1986 / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989; Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. M. Müller-Wille. Stuttgart, 1997. Bd. 1.**

⁴ *Annales Bertiniani, s. a. 839 // Annales de Saint-Bertin / Ed. by F. Graf, J. Viellard, S. Clémencetith with an introd. and notes by L. Levillain. Paris, 1964. P. 30–31; Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4. Issue 1. P. 41–60; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 19–20.*

⁵ *Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. М., 2003. С. 5–172.*

⁶ *Пчелов Е. В. Олег Вещий: Великий викинг Руси. М., 2018. С. 60–97 (с литературой).*

Ипатьевской летописях под 907 г. С одной стороны, договор регламентирует пребывание в Константинополе купцов-русов:

«Приходяще русь да витают у святого Мамы, и послеть царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмутъ мѣсячное свое... И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же»⁷.

Хотя здесь впервые упомянут квартал св. Маманта как место пребывания купцов-русов⁸, можно полагать, что в договоре фиксируется уже сложившаяся практика и размещение купцов вне стен Константинополя, на другой стороне Золотого Рога, подальше от жизненно важных зданий, было привычным уже к началу X в.

С другой стороны, договор предусматривает некоторые гарантии от нападений на византийские владения:

«...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей»⁹.

В этих пунктах договора отчётливо противопоставлены две категории руси. Первая — это купцы, которые размещаются в квартале св. Маманта, не имеют права входить с оружием в сам город, контролируются имперскими чиновниками («...да испишут имена их...»), а их деятельность определена стандартными рамками византийского законодательства. Конечно, конфликты купцов-русов и жителей столицы были неизбежны, но договор предусматривал их разрешение. Разумеется, «творить пакости», т. е. совершать нападения и грабить, могли и купцы (они же воины) по пути в Константинополь или из него, но обременённые товарами и намеревавшиеся получить огромную прибыль на рынках столицы, вряд ли они сколько-нибудь часто переходили от торговли к разбою. Поэтому запрет «творить пакости» не имел для них особого смысла. Иное дело — небольшие группы или значительные отряды скандинавов, имевшие целью военную службу или грабёж. Именно они, видимо, и составляли вторую группу русов, о которой сказано, что она «творит пакости в селѣх в странѣ нашей» и потому потенциально опасна. Очевидно, что эти русы не концентрировались в столице, а могли оказаться в любой местности империи и никак не контролировались имперскими властями.

Единственный путь с Севера в Византию в IX–XI вв. лежал через Восточную Европу¹⁰. На протяжении трёх столетий менялись причины, влекшие скандинавов

⁷ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись (далее — Лавр.). Стб. 31.

⁸ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 105–130.

⁹ Лавр. Стб. 31.

на юг, трансформировался характер этих поездок, их интенсивность и число их участников. Неизменным (или почти неизменным) оставалось одно — путь, по которому следовали как военные отряды, так и караваны торговцев и который пролегал через равнины Восточной Европы. Лишь уже в XII в. некоторые из путешественников начали избирать западный путь вокруг Европы, как Сигурд Крестоносец¹¹. Многие из отрядов начинали свою наёмническую деятельность на Руси, проведя несколько лет на службе русских князей и лишь затем продолжали свой путь на юг. Так, Торкель Светлая Прядь, сын Тьоста, в 930-е гг. отправился «на восток», несколько лет служил на Руси, а затем в течение семи лет «ходил под рукой конунга Гарды» («er handgenginn Garðskonunginum»)¹². Наиболее известна деятельность «на востоке», по определению исландских саг, Харальда Сигурдарсона, сводного брата Олава Святого и будущего конунга Норвегии, получившего прозвище Суровый Правитель. После гибели Олава (30 июля 1030 г.) Харальд с большим количеством сторонников Олава уехал на Русь, где несколько лет прослужил Ярославу Мудрому, а затем отправился в Византию. По сообщениям саг, он возглавил отряд «дворцовых вэрингов» в Константинополе, после чего вернулся в Норвегию также через Русь, где женился на дочери Ярослава Елизавете¹³. Однако, далеко не все дружины скандинавов имели намерение долгой службой завоёвывать себе «богатство и славу», многие, как на западе¹⁴, так и, вероятно, на востоке, предпочитали быстрое обогащение в ходе молниеносного набега на периферийные центры, располагавшиеся на побережье. Осады столичных городов: Парижа, Лондона, Константинополя — были редким и опасным предприятием. Значительно удобнее были нападения на города и селения вдоль морских побережий или в устьях крупных рек. Таким был первый упомянутый в византийских источниках набег росов — на небольшой город Амастриду на юго-западном побережье Чёрного моря¹⁵. Таково было и нападение росов-дромитов, о котором говорится в хронике

¹⁰ Обзоры поездок скандинавов в Византию см.: *Ellis Davidson H. The Viking Road to Byzantium; Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium; Scheel R. Skandinavien und Byzanz.*

¹¹ *Magnússona saga* // *Snorri Sturluson. Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951. Bd. 3. (=Íslensk Fornrit. Bd. XXVIII). Bls. 238–277. Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Издание подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 481–487.

¹² *Hrafnkels saga Freysgoða*, 9. kafli: *Hrafnkels saga Freysgoða* // *The Icelandic Saga Database* [Электронный ресурс]. URL: https://www.sagadb.org/hrafnkels_saga_freysgoða (03.12.2022).

¹³ *Haralds saga Sigurðarsonar* // *Snorri Sturluson. Heimskringla*. Bd. 3. Bls. 68–202. Перевод на русский язык: Сага о Харальде Суровом // *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. С. 402–464; о пребывании Харальда на Руси см.: *Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012 (=Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 427–493; Scheel R. Skandinavien und Byzanz. S. 293–372.*

¹⁴ О западных походах викингов см.: *Conpland J. The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911* // *The New Cambridge Medieval History* / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. Vol. II. С. 700 — с. 900. P. 190–201; *The Normans in Europe* / Ed. and trans. by E. van Houts. Manchester, 2000; *The Viking World* / Ed. by St. Brink in collaboration with P. Nice. London; New York, 2008. P. 341–469.

¹⁵ См.: *Житие Георгия Амастридского* // *Васильевский В. Г. Труды*. Пг., 1915. Т. 3. С. 64 (гл. 43).

Псевдо-Симеона (X в.) в перечне балканских географических реалий и которое ряд исследователей (Р. Дженкинс, М. В. Левченко и др.) стремились увязать с маршрутом русского войска Олега в легендарном походе 907 г.:

«Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать)»¹⁶.

Именно такие отряды представляли наибольшую опасность и грозили разорением целых областей, и именно против них и направлено требование, чтобы киевский правитель, контролировавший путь по Днепру в Чёрное море, «запрещал своим словом» нападения на византийские владения проходящим варяжским отрядам.

Ещё одной категорией скандинавов в Византии с конца X в. стали паломники. Паломничества в Святую Землю, Рим и Константинополь начались практически одновременно с принятием христианства в Скандинавских странах. В нарративных источниках отмечаются «элитарные» поездки скандинавских правителей (датских королей Кнута Великого в 1027–1028 гг. и Эрика Доброго в 1103 г.), которые совмещали паломничества с решением политических задач. Они ездили в первую очередь в Рим, где общение с папой давало возможность урегулировать проблемы скандинавской церкви (создание новых епископий и т.п.). Сведения же о вызывавшихся исключительно религиозными соображениями паломничествах простых жителей Скандинавских стран крайне скудны, и рунические надписи — единственные современные им тексты — лишь очень редко дают возможность отделить поездки-паломничества от торговых или военных предприятий. Главным показателем того, что путешественник преследовал религиозные цели, является упоминание в двух рунических надписях из Средней Швеции Иерусалима как конечного пункта поездки (Рим в рунических надписях не называется).

Пребывание — в первую очередь наёмников-вэрингов — в Константинополе оставило ощутимые следы в древнескандинавской письменности. Наряду с наименованием самого города (*Miklagarðr* от *mikill* ‘большой, великий’ и *garðr* ‘огороженный хутор, двор’ — вероятно, калька др.-рус. *Царьградъ*) королевские и родовые саги содержат подчинённые сюжету упоминания и — реже — описания отдельных районов или зданий города, в первую очередь императорского дворца и прилегающих к нему участков (подобных описаний для Новгорода или Киева нет).

---

¹⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. 2010. Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. С. 182–184. См. подробнее: *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 112–118. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/49/52701> (07.12.2022). Последняя фраза была интерпретирована славянским переводчиком как обозначение принадлежности росов-руси к «роду варяжскому».

Эти описания остаются своего рода гапаксами, которые не вошли в основной фонд знаний скандинавов о мире. Единственным сооружением Константинополя, которое запечатлелось в коллективной памяти скандинавов, был собор Святой Софии, получивший «скандинавское» наименование Эгисив (адаптация греческого *Αγία Σοφία*) и упоминаемый, в частности, в географических трактатах: «В Миклагарде есть церковь, которую их люди (греки. — *Е. М.*) называют Агисофия, а норманны называют Эгисив»¹⁷. Другим, хотя и менее известным, зданием был императорский дворец, получивший название Полота (от др.-рус. *палата*), но он упоминается в контексте рассказов о вэрингах.

Таким образом, по совокупности древнескандинавских, древнерусских и византийских источников вырисовывается несколько ипостасей, в которых скандинавы могли оказаться в Византии. Это, как принято считать, викинг-грабители, наёмники, купцы, паломники. Однако не все отмеченные виды деятельности скандинавов в Византии изображаются в скандинавских сагах, записанных в конце XII–XIV вв., но опирающихся на устную традицию и скальдическую поэзию X–XII вв. Отсутствие сведений о грабительских походах на Византию и о собственно скандинавских купцах (т. е. торговцах из Скандинавских стран, а не из Восточной Европы) заставляет более пристально взглянуть в сообщения источников.

Викинг-грабитель

Как ни удивительно, саги, десятки и сотни раз повествующие об удачных (а иногда и неудачных) викингских походах, рассказывающие о богатой добыче предприимчивых викингов, не содержат сведений об их набегах на византийские владения. Походы в Англию, Ирландию, северо-западную Франкию отмечаются и в родовых и королевских сагах, сообщения которых более или менее достоверны, но Византия и Константинополь (*Miklagarðr*) называются в них только как место военной службы скандинавов¹⁸. Особенно показательны повествования так называемых саг о викингах¹⁹, которые обобщают и типизируют сюжеты, восходящие к событиям IX–X вв. и отложившиеся в устной традиции как устойчивые мотивы, в значительной степени окрашенные фольклорно-сказочными элементами²⁰. Но и в них Византии предстаёт не как объект нападений викингов (подобно Гардарики — Северо-Западной Руси), а как источник христианства²¹.

¹⁷ Описание Земли I, Какие земли лежат в мире: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 56–84.

¹⁸ О характере исторической информации родовых и королевских саг см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой; авт. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. Изд. 2-е. М., 2013. С. 444–462.

¹⁹ Там же. С. 462–468.

²⁰ Мельникова Е. А. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг // Вестник РГТУ. Серия

Одной из причин отсутствия сведений о походах в Византию было, вероятно, незначительное (в любом случае, несопоставимое с количеством походов в Западную Европу) число удачных — а потому заслуживавших рассказа и последующей меморизации — походов скандинавов в пределы Византийской империи. Слишком далеко она находилась, и слишком сложен был путь к ней по рекам Восточной Европы. Неслучайно «саги о викингах» знают всего лишь об одном военном предприятии скандинавов в Средиземном море — легендарном походе Бьёрна Железнобокого — сына Рагнара Лодброка — и некоего Хастинга (*Alstignus*), которые, войдя в Средиземное море с запада, через Гибралтарский пролив, разорили итальянский городок Луну, приняв его за Рим (середина X в.)²². Попытки грабительских же походов в Византию, видимо, не приносили большого успеха.

Тем не менее византийские власти уже с начала X в. были озабочены возможностью нападений скандинавов: прочно закрепились в памяти осада Константинополя в 860 г.²³, прибавило опасений и нападение Олега. Вряд ли можно сомневаться, что это были далеко не единственные походы на Великий город. Ещё об одном таком походе на хазарские, а затем византийские владения в Причерноморье — возможно, инспирированном сначала византийскими властями (нападение на хазар), а затем совершённым уже под давлением хазар (на Византию) — говорится в так называемом Кембриджском документе (X в.). Возглавляемый неким ХЛГУ (*Helgi* > Олег, отождествляется иногда с киевским князем Олегом), отряд потерпел в результате сокрушительное поражение, и большая часть его участников погибла²⁴. Поэтому неслучайно в договоры и 911, и 944 гг. включены статьи, регламентирующие прибытие скандинавских как караванов купцов, так и военных отрядов из Восточной Европы (точнее, по Днепровскому пути)²⁵. Причём первый договор формулировал это требование ещё достаточно общо:

«Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 26–40. URL: <https://history.rsu.ru/jour/article/view/797> (07.12.2022).

²¹ Мельникова Е.А. Византия и христианизация Скандинавии // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: сборник статей памяти профессора И. С. Чичурова / Под ред. П. В. Кузенкова, А. А. Войтенко, М. В. Грацианского. М., 2012. С. 211–22. См. также примеч. 31.

²² *Dudo de St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. I.2* / Publiée par J. Lair. Caen, 1865 (=Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie. Vol. 23). P. 132–135 (I. 5–7). URL: <https://archive.org/details/demoribusetacti00dudogoog> (07.12.2022).

²³ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь.

²⁴ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997 (2-е изд.: 2003). С. 101–193. Специально о ХЛГУ кембриджского документа см.: Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. С. 222–229.

²⁵ Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // Российская история. 2019. № 4. С. 66–81. URL: <https://russian-history.ru/s086956870005873-1-1/> (07.12.2022).

«...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей»²⁶.

Договор же 944 г. существенно расширил и «бюрократизировал» обязательства киевского князя:

«А великий князь Руский и боляре его да посылають в Греки... корабля елико хотять, со слы [своими] и с гостьми. Якоже им уставлено есть, ношаху сли печати злата, а гостье сребрени... иже посылаеми бывають от них [сли] и гостье, да приносятъ грамоту, пишюче сице: яко послах корабль селико; и от тех да увемы и мы, оже с миромъ приходить. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять»²⁷.

Можно предполагать, что опасность нападений самостоятельных викингских отрядов не только не уменьшилась, а напротив, возросла. Неслучайно этот пункт вынесен в начало договора и составляет первую статью после интитуляции и определения санкций за нарушение договора. Изменяется и характер принимаемых на себя киевским князем обязательств: от него более не требуется обеспечивать мирную деятельность идущих в Византию скандинавов. Видимо, за прошедшие 30 лет византийские власти убедились в невыполнимости этого требования: с одной стороны, кроме днепровского пути существовали и другие выходы в Чёрное море, которые с легкостью могли использовать скандинавы, с другой — никакие требования киевского князя не могли иметь обязательной силы для не подчинявшихся ему викингских команд — те подчинялись только своему предводителю. Поэтому, вероятно, в договоре 944 г. предусмотрен совершенно иной способ обеспечения безопасности византийской территории: князь должен выдавать «мирные грамоты» и золотые или серебряные печати тем, кто отправляется в Византию с очевидно мирными целями, — послам и купцам. Возможно, аналогичные грамоты могли выдаваться и тем, кто ехал наниматься на службу в византийскую армию, особенно если эта группа скандинавов прослужила некоторое время на Руси. Во всяком случае, именно так поступил князь Владимир в 978 г., отправивший в Византию варягов, участвовавших в захвате Киева (правда, в своём письме он предупреждал императора и о неблагонадёжности варягов и советовал

²⁶ Лавр. Стб. 31.

²⁷ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. С. 31. URL: https://archive.org/details/Monuments_of_Law_of_Kievan_State_Zimin (07.12.2022). Ср.: Лавр. Стб. 48.

«расточить их по градамъ»)²⁸. Условие договора 944 г. снимало с русского князя ответственность за прибывавшие с территории Руси (или через Русь) отряды без грамот: таким новоприбывшим имперские власти не только не гарантировали безопасности, но более того, предусматривалось их задержание до выяснения их намерений, а в случае разбоя — уничтожение.

Яркой иллюстрацией к статье договора 944 г. о праве византийских властей расправляться с отказывавшимися сложить оружие отрядами из Восточной Европы, служит история некоего Хрисохира (*Χρυσόχειρ*, буквально «золотая рука»), родственника князя Владимира Святославича. После смерти последнего Хрисохир с 800 воинов оказался в Византии и хотел поступить на службу, но отказался сдать оружие по требованию властей. Отвергнув также предложение о переговорах, он силой прорвался к Абидосу на азиатском побережье пролива Дарданеллы, разгромил пропонтидского стратига и вышел в Эгейское море, где у о. Лемнос был окружён византийским флотом. Его корабли были потоплены, и сам он погиб в сражении²⁹.

Другой причиной отсутствия запечатлённых в сагах воспоминаний о грабительских походах в Византию, мог быть сложившийся и устойчивый, неоднократно воспроизводимый в «сагах о викингах» образ Византии как одного из главных центров мира (наряду с Римом) — средоточия верховной власти, богатства, культуры³⁰ — и как источника христианской веры, центра, куда скандинав приходит в поисках истинной веры и где обретает её³¹. Показательна трансформация византийских эпизодов в истории князя Олега и викинга Оdda Стрелы. Мотив «смерти от коня», объединяющий оба персонажа, возник в варяжской среде на Руси в рамках эпизации сказаний о деятельности Олега и был затем перенесен в Скандинавию и совмещён с образом Оdda³². Можно полагать, что и многие другие элементы истории Оdda (если не весь вообще этот персонаж, неизвестный ни одной другой саге и упоминаемый лишь один раз у Саксона Грамматика) восходят к той же варяжской эпической традиции, героем которой был Олег. В этой, древнерусской, традиции, запечатлённой в летописях, важное (если не центральное) место занимает

---

²⁸ Лавр. Стб. 48.

²⁹ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* / Rec. H. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 367 (гл. 46, строки 71–74). URL: <https://archive.org/details/scylitzae1973/page/867/mode/2up> (07.12.2022).

³⁰ *Sverrir Jakobsson*. Centre and Periphery.

³¹ Глазырина Г. В. От язычества к истинной вере: Путь главного героя древнеисландской *Саги об Одде Стреле* // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков, 1995. Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. С. 85–87. URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/Tserk_archeo_01_1995.pdf/view (07.12.2022); Она же. Путь на восток — путь к христианскому спасению: Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. М., 2010. С. 384–404.

³² *Melnikova E.* The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions // *Gudar på jorden: Festschrift till Lars Lönnroth* / Red. S. Hansson, M. Malm. Eslöv, 2000. S. 152–168; Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108.

повествование о его блистательном походе на Византию, насыщенное фольклорными мотивами и сюжетами (корабли на колёсах, отравленное вино и пр.). В «Саге об Оdde Стреле» герой оказывается в Византии не во главе военного предприятия, а как одинокий путник, который с детства противится язычеству и после долгих странствий обретает истинную веру и принимает крещение (надо отметить, что уже в начале своего трёхсотлетнего пути Ода встречает монаха-отшельника и знакомится с христианством, но не принимает его, а продолжает свой путь)³³. Мотив военного похода заменяется здесь мотивом обретения веры.

Отмеченные причины — во-первых, редкость таких грабительских походов, которые предпринимались из самих Скандинавских стран (подобные походы осуществляли уже осевшие в Восточной Европе скандинавы), имели своей непосредственной целью Византию и притом приносили заслуживающий меморизации результат, а во-вторых, устойчивость образа Византии как центра мира и источника христианства — видимо, в совокупности и обусловили отсутствие в скальдических стихах и сагах рассказов (или упоминаний) о военных экспедициях в Византию.

Наёмник в полевом войске

Первым скандинавом, служившим в Византии, исландская традиция считает исландца Болли:

«Мы не слышали рассказов, чтобы какой-нибудь норманн пошел на службу конунга Гарды (византийского императора. — Е.А.) раньше, чем Болли, сын Болли»³⁴.

Возвращение Болли из Византии после многих лет пребывания там условно датируется временем около 1030 г. Но на самом деле Болли был далеко не первым скандинавом-наёмником, о чём проговаривается и сам автор «Саги о людях из Лососьей долины»: приведённая выше ремарка следует за рассказом о поездке Болли в Миклагард: «Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину» («Hann var litla hríð þar áður hann kom sér í Væringjasetu»). Ко времени приезда Болли «варяжский корпус», таким образом, уже существовал. Действительно первые по времени вэринги³⁵ упомянуты в «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра»: в ней рассказывается, во-первых, о поездке в Константинополь Торкеля Светлая Прядь,

³³ Qrvar-Odds saga / Hrsg. von R. C. Boer. Leiden, 1888. URL: <https://archive.org/details/rvaroddssaga00unkngoog> (07.12.2022).

³⁴ Laxdæla saga, 73. kafli: Laxdæla saga // The Icelandic Saga Database [Электронный ресурс]. URL: https://sagadb.org/laxdaela_saga.is (03.12.2022). Ср. перевод на русский язык: Сага о людях из Лаксдаля // Исландские саги / Ред., вст. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 428.

³⁵ О соотношении обозначений *варяг* — *βαργγυοι* — *væring* см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/slav-1994-2.pdf> (07.12.2022).

сына Тьоста, который в течение семи лет «ходил под рукой конунга Гарды» («er handgenginn Garðskonunginum»)³⁶, и, во-вторых, о пребывании в Миклагарде мореплавателя (*farmaðr*) Эйвинда Бьярнарсона, который «снискал там большое расположение греческого конунга и был там в дружине» («fek þar goðar virðingar af Grikkja konungi ok var þar um hrið»)³⁷. Поездка Торкеля датируется 937–944 гг., Эйвинда — временем до 950 г.³⁸

До Болли, согласно сагам, в Константинополе побывали и другие исландцы: Финнбоги Сильный, ставший дружинником (*hirdmaðr*) императора Иона — Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.); Грис Сэмингссон (ок. 970–980 гг.), который снискал в Византии «большой почёт»; Колльскегг (вскоре после 989 г.), Гест Торхалльссон и Торстейн Стюрссон (ок. 1011 г.); Барди (между 1022 и 1025 гг.)³⁹. Вскоре после 1016 г. в Константинополе находился датчанин Эйлив Торгильссон, брат ярла Ульва. Таким образом, сообщение автора «Саги о людях из Лаксдаля» ошибочно и, видимо, связано со стремлением автора саги по возможности возвеличить Болли сына Болли.

Начиная с этого времени сообщения о службе скандинавов в Византии насчитываются десятками: только в шведских рунических надписях XI в. их более двадцати⁴⁰.

В отличие от скандинавских, византийские источники, однако, относят первые случаи привлечения скандинавов (*Ρῶς*) на военную службу к значительно более раннему времени — самому началу X в. Прибытие росов из Восточной Европы отмечает Лев VI Мудрый в разделе *Ναυμαχία* трактата *Τακτικά*, написанного между 904 и 912 гг.⁴¹ Едва ли не первым сообщением о службе росов является упоминание о росах, именуемых дромитами, в т. н. Хронике Псевдо-Симеона, о чём говорилось выше. Это сообщение приведено в описании событий 904 г.⁴² Возможно,

³⁶ Hranfnkels saga Freysgodi. 9. kafli.

³⁷ Ibid. 3. kafli.

³⁸ *Sigfús Blöndal*. The Varangians of Byzantium. P. 310.

³⁹ Дабы согласовать хронологию поездок Геста, Барди и Кольскегга с сообщением «Саги о людях из Лаксдаля» о Болли, как первом дружиннике в Константинополе, В. Г. Васильевский предложил передатировать их 1020-ми гг. (*Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. С. 181–191). Однако контекст рассматриваемых известий и хронология соответствующих саг не даёт для этого оснований. См.: *Sigfús Blöndal*. The Varangians of Byzantium. S. 315, 317.

⁴⁰ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 98–120 и др. В двух рунических надписях из Эстерьётланда присутствует имя собственное **uirikR** (Ög. III, Landeryds kyrka) и **uerekR** (Ög. 68, Ekeby), возможно, относящиеся к одному и тому же человеку. Оно может быть интерпретировано как имя (прозвище?) *VaringR*. Более вероятно, однако, что здесь представлено известное личное имя *VérikR* (ср.: *Vemundr*, *Eiríkr* и др.).

⁴¹ *Щавелев А. С.* Известие о «северных скифах» («россах») в разделе «*Ναυμαχία*» трактата «*Τακτικά*» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 236–250.

⁴² *Symeonis Magistri et Logothetae*. Chronicon / Rec. S. Wahlgren. Berlin; New York, 2006 (=Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLIV/1). S. 84*–91*, 139*. См.: *Карпозилос А.* Рос-дромиты. С. 112–118; *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. М., 2011. Вып. VIII. С. 7–35; *Щавелев А. С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*=Петербургские

как предполагает А. С. Щавелёв, упоминание рос-дромитов связано с их участием в войне патрикия Имерия против арабского адмирала Льва Триполита в 905/906 г.⁴³ В 910–911 гг. командующий морским походом против арабов логофет дрома патрикий Имерий использовал отряд народа *Рѡς* из 700 человек в морской экспедиции на Крит⁴⁴. Семь кораблей росов (с 415 воинами) участвовали в морских операциях при императоре Романе I Лакапине в 935 г., 584 роса и 45 юношей при них — при Константине VII Багрянородном в 949 г.⁴⁵ Служба руси в Византии предусматривается договорами и князя Олега 911 г.:

«Егда же требуетъ на войну ити, и сии хотятъ почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотятъ остатися у царя вашего своею волею, да будутъ», —

и князя Игоря 944 г.:

«Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к нам, елико же хотимъ...»⁴⁶

Византийские власти «начали хотеть» воинов-русов уже через несколько лет после заключения второго договора: во время своей поездки в Константинополь Ольга — вероятно, по просьбе императора — обещала прислать военный отряд в помощь византийцам, а в 988 г. князь Владимир Святославич отправил шеститысячное войско для борьбы с мятежниками. Присланные воины стали органической частью византийской армии, что отметил в 956 г. арабский историк Абу-л-Хасан ал-Мас'уди:

«...Ар-Рус... вошли многие из них в настоящее время в общность ар-Рум (Византийская держава) подобно тому, как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Бургар (болгары), которые [представляют собой] один из видов ас-Сакалиба (славяне), и ал-Баджанак (печенеги) из тюрок. И они [византийцы] поместили их [русов, армян, болгар и печенегов] гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа (сирийской), обратили их против Бурджан (бургундцев?) и других народов, враждебных им и окружающих их владения»⁴⁷.

славянские и балканские исследования. 2017. № 1 (21). С. 87–88. URL: <https://slavica-petropolitana.spbu.ru/files/2017-1/06-Schavelev.pdf> (07.12.2022).

⁴³ Щавелёв А. С. «Держава Рюриковичей». С. 87–88.

⁴⁴ Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies: In 2 vols. / Trans. by A. Moffart, M. Tall. Canberra, 2012. Vol. 2. P. 651–652, 654.

⁴⁵ Ibid. P. 660–678.

⁴⁶ Лавр. Стб. 36, 52.

⁴⁷ Абу-л-Хасан ал-Мас'уди. Книга предупреждения и пересмотра / Пер. с араб. В.М. Бейлиса; изд. подг. по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина и О. Б. Бубенок. М., 2021. С. 152.

Таким образом, уже с самого начала X в. византийская армия и флот пополнялись выходцами из Скандинавии, как прибывавшими непосредственно из Скандинавских стран, так и уже осевшими на Руси, и на протяжении X в. и вплоть до второй половины XI в. их поток продолжал расширяться.

Деятельность скандинавов в Византии до поездки Кольскегга (т. е., условно говоря, до 980-х гг.) определяется в сагах разнообразными терминами, связанными с военной службой и вассальным подчинением, но только не словом *вэринги*. Торкель (дословно) «ходит под рукой» византийского императора, Эйвинд служит «в дружине» и т. д. Кольскегг был первым, кто не только «пошёл на службу», но и стал «предводителем войска вэрингов» («*var hofðingi fyrir væriagarlið*»), открывая череду прославившихся выдающимся положением в Византии скандинавов, среди которых затем были Эйлив Торгильссон, Харальд Суровый Правитель, Рёгнвальд из рунической надписи № 118 и др. «Служат в числе вэрингов» («*ganga a mala með væringjum*») Гест и следующие за ним десятки скандинавов. Начиная с этого времени название *væringi* и производное от *væringjalíð* — «войско вэрингов» будут постоянно встречаться в рассказах о поездках норманнов в Византию.

Вместе с тем название *вэринги* приложимо не только не ко всем, кто побывал в Византии — общим обозначением для купцов, паломников, а также воинов было *Grikklandsfari*, буквально «ездивший в Грецию», — но даже не ко всем служившим в византийском войске. Называя кого-либо *вэрингом*, авторы саг нередко добавляют, что человек либо служил «в войске вэрингов», либо был дружинником (*hirðmaðr*), охранником (*vörðamaðr*), либо просто был «мужем» (*maðr*) византийского императора, как Эйвинд, Финнбоги и затем многие другие.

Одновременно составители саг противопоставляют *вэрингов* и *норманнов* (обычное обозначение скандинавов). Так, уже в истории Геста и Торстейна говорится: «И таков был обычай вэрингов и норманнов, чтобы днём быть на состязаниях и заниматься борьбой»⁴⁸. Термины *вэринги* и *норманны* соотносятся, с одной стороны, как частное и общее (вэринги — определённая группа, выделенная среди норманнов-скандинавов), как, например, в «Саге о битве на Хейде»: Барди «был там среди вэрингов, и все норманны ценили его». С другой, как в истории Геста и Торстейна (а также в ряде других), и вэринги, и норманны бесспорно служат в византийском войске и совместно участвуют в некоторых церемониях, но они различаются и подчас противопоставляются и ими самими, и — на основе информации, полученной от них, — авторами саг.

Сходная дифференциация содержится и в византийских источниках. С одной стороны, параллельное византийское название (очевидно заимствованное либо из др.-рус. *варяг*, либо др.-сканд. *Varangr*) относится к не очень многочисленному и привилегированному контингенту скандинавов на византийской службе — отряду телохранителей императора, императорской гвардии. С другой — в византийском

⁴⁸ *Heiðarvíga saga* // *Borgfirðinga sögur* / Guðni Jónsson ok Sigurður Nordal gáfu út. 2 utg. Reykjavík, 1955 (=Íslenzk fornrit. Bd. III). S. 243.

войске служили и другие, более многочисленные (насчитывавшие подчас тысячи) отряды скандинавов, которые также именовались варангами. Это положение нашло отражение в противопоставлении «дворцовых» и «внешних» варангов, участвовавших в восстании в царствование Никиты Вотаниата⁴⁹. Различает два контингента варангов и Пселл: первый он определяет как «ту часть наемническую, которая обыкновенно принимает участие в царских выходах», второй — как союзнический корпус⁵⁰.

Можно предполагать, что противопоставление вэрингов норманнам в сагах зиждется на той же самой основе: вэринги — это соответствующая «дворцовым» варангам Скилицы особая, пользующаяся привилегиями и находящаяся в особой близости к императору часть скандинавских наемников. Неслучайно так часты упоминания византийских василевсов, называемых в общем форме или поименно, в связи с вэрингами. Норманны же — это «внешние» варанги, союзнические отряды в составе византийского войска.

Строгая отнесённость термина *вэринги* в скандинавских источниках к отряду императорских телохранителей («дворцовым» варангам) объясняет, почему скандинавы, служившие в византийском войске и принимавшие участие в различных военных действиях Византии, до конца X в. не называются этим термином — лишь после создания «варяжского корпуса» как императорской гвардии, заменившего армянских телохранителей, видимо, где-то около 980 г. (что перекликается с отправлением отряда варягов к византийскому императору Владимиром), появляется специальное обозначение этой части скандинавов, которое проникает затем в Скандинавию вместе с возвращающимися варангами,

Два известных нам случая упоминания вэрингов на Руси не могут поставить под сомнение однозначность понимания этого слова в Скандинавии, тем более что одно из них допускает и обычное толкование термина. В «Саге о битве на Хейде» в рассказе о Барди говорится, что он поступил на службу, будучи на Руси, и был там «вместе с вэрингами» (*med væringjum*). Примечательно, однако, что далее автор говорит: «И все норманны (*nordmenn*) ценили его»⁵¹, традиционно разделяя и противопоставляя тех и других. Если бы слово *вэринги* обозначало всех скандинавов на русской службе, то основы для такого противопоставления не существовало бы. Приезд Барди на Русь датируется в целом 1020-ми гг., т. е. тем временем, когда «варяжская гвардия» уже была создана. Основным путём в Византию для скандинавов была Восточная Европа, путь из варяг в греки, причём по сообщениям многих саг (например, «Саги о Харальде Суровом Правителе», «Саги об Ингваре» и др.) мы знаем, что нередко на пути в Византию или обратно скандинавы задерживались на Руси и проводили некоторое время на службе русских князей. Не этих ли скандинавов, уже побывавших в Константинополе и послуживших в гвардии

⁴⁹ *Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. P. 92.*

⁵⁰ *Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. С. 217.*

⁵¹ *Heiðarvíga saga. 40. kafli.*

императора, называет здесь сага вэрингами — в полном соответствии с традицией, в противоположность всем остальным норманнам, находившимся в тот момент на русской службе? Возможно, что привилегированное положение вэрингов в Византии отражалось и на их статусе на Руси, более высоком, нежели статус остальных скандинавских наемников, не имевших подобного опыта.

Контекст упоминания «некоего вэринга на Руси» (*varingus quidam in Ruscia*) в одном из чудес св. Олава⁵², действие которого происходит в Новгороде, не оставляет сомнения в том, что это ремесленник-скандинав (отнюдь не воин!), находящийся на Руси и не бывавший в Византии, однако, есть достаточно оснований полагать, что эта новелла сложилась в Новгороде в среде прихожан и клира церкви св. Олава и испытала влияние местного, новгородского словоупотребления⁵³, поэтому слово *varingus*, отражающее скорее древнерусскую форму *варягъ*, нежели древнескандинавскую *væringi*, использовано здесь в том значении, которое оно имело на русской почве. Возможно, что несоответствие значений слова в древнерусском и в древнескандинавских языках и заставило автора новеллы специально оговорить, что действие происходит «на Руси».

Таким образом, представляется, что в скандинавской письменности термин *væringi* однозначно приложим только к скандинавским наёмникам, служившим в «варяжском корпусе» в Византии — привилегированном отряде телохранителей императора, и первоначально не распространялось на другие группы скандинавов в византийской армии или на Руси. Узкая специализация термина и его однозначность позволяют предположить, что он вошёл в употребление в Скандинавии лишь после создания «варяжского корпуса» и одновременно с появлением византийского названия того же института — варанги. Иностранность и позднее происхождение древнескандинавского названия нашли косвенное отражение в одной из редакций «Саги о Харальде Суровом Правителе» (по рукописи *Flateyjarbók*), где говорится о положении в Константинополе перед приездом Харальда: «И было там уже множество норманнов, которых они (т. е. византийцы. — Е. М.) называют вэрингами» («En mikill mennjoidi var þar aðr fyrir nordmanna, er þeir kalla væringja»)⁵⁴. Подобное противопоставление двух наименований: одного — местного, другого — заимствованного, широко распространено в древнескандинавской литературе.

Подавляющее большинство варангов служили в войсковых полевых частях, образуя отдельную элиту⁵⁵ или входя в общевойсковой контингент. Таковы

⁵² Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880. S. 143. URL: <https://archive.org/details/monumentahistor00storgoog/page/n218/mode/1up> (07.12.2022); Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги. С. 563–568.

⁵³ Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. 1996. Т. 56. С. 92–106. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/56/53018> (07.12.2022).

⁵⁴ Flateyjarbók / Sigurður Nordal gaf út. Akranes, 1945. Bd. IV. S. 60.

⁵⁵ Филиппук А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты // Восточная Европа в древности и средневековье: XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 292–297.

«рузы», о которых сообщает армянский историк Х в. Асолик, рассказывая о болгарской кампании византийского императора Иоанна Цимисхия (кир-Жана) (969–976). По словам Асолика, в сражении на Балканах на помощь болгарам был призван народ рузов (в других рукописях – «народ русов»):

«...потом он (Иоанн Цимисхий. — *Е. М.*) отправился войной на землю Булхаров (болгар. — *Е. М.*), которые при помощи Рузов вышли против кир-Жана[,] и когда завязался бой, Рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска»⁵⁶.

Очевидно, Асолик передаёт здесь рассказы очевидцев — возможно, тех армянских воинов, которые составляли собственную дружину и отборные отряды войска армянского аристократа и полководца Цимисхия. Из контекста ясно, что рузы являлись наиболее боеспособной частью войска союзников и вполне могли бы переломить ход сражения, если бы не армянская гвардия императора.

Асолик рассказывает и о другом случае участия рузов в кавказских делах — шеститысячном войске, которое было прислано императору Василию II киевским князем Владимиром около 988 г.: войско было задействовано во время византийского похода в Тайк, предпринятого с тем, чтобы получить владения Давида Куропалата, завещанные им империи. В составе войска Василия находились русские отряды:

«В самый день отъезда последнего (императора Василия II. — *Е. М.*) в греческом лагере произошла сильная схватка из-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида, прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда Рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из Ивирийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к Рузу на помощь другой Руз. Ивериец кликнул к своим, которые, прибежав, убили первого Руза. Тогда весь народ Рузов, бывших там, поднялся на бой: их было 6 000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего»⁵⁷.

«Полевых» варангов упоминают и византийские источники, в том числе военные трактаты, а в сочинении «О церемониях» византийский император Константин Багрянородный подробно характеризует состав и содержание наёмников-росов⁵⁸. Скандинав-наёмник на службе в Византии, таким образом, —

⁵⁶ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М., 1864. С. 127–128. URL: <https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMTc2NA/cGFnZTAwMDAw> (07.12.2022).

⁵⁷ Там же. С. 200.

⁵⁸ Филичук О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: Дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010; *Він же. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // Ruthenica*. Київ, 2008. Т. VII. С. 7–29. URL: <http://history.org.ua/JournALL/ruthenica/7/1.pdf> (07.12.2022).

наиболее распространённый образ в скандинавских источниках, возникший уже во второй трети X в. и достигший наибольшей популярности в XI в.

Императорский гвардеец

Почти обо всех скандинавах-наемниках сообщается, что они были с почестями приняты самим императором, который наградил их за верную службу, — такова стереотипная характеристика доблестного воина. Однако в действительности лишь немногие и далеко не сразу добились почётной службы в императорской гвардии. К числу таких немногих, видимо, принадлежал упоминавшийся выше исландец Болли Болласон из знатного рода, который уже во взрослом возрасте, женатый и имевший детей, решил не ограничиваться обычными поездками в Норвегию и Данию:

«И после того как Болли провел зиму в Дании, он отправился в дальние страны и не прерывал своего путешествия, пока не прибыл в Миклагард. Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда (Константинополя. — *Е. М.*). Он провел в Миклагарде много лет и выказывал себя во всех испытаниях как самый отважный воин и всегда был первым среди других. Варяжские дружинники очень ценили Болли, пока он был в Миклагарде»⁵⁹.

Согласно «Саге о людях из Лососьей долины», Болли прослужил в Константинополе долгие годы и по хронологии саги вернулся в Исландию около 1030 г. Его служба, очевидно, протекала успешно, потому что

«Болли привез с собой большие богатства и много драгоценностей, которые ему подарили высокопоставленные люди. Болли так привык к пышности, когда он вернулся из своего путешествия, что не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей, и все его оружие было украшено золотом. Его называли Болли Горделивый. Он объявил своим корабельным спутникам, что намерен отправиться на запад, в свою родную округу, и оставил корабль вместе с грузом в руках своих спутников. Болли уехал со своего корабля вместе с одиннадцатью спутниками, и все они были в пурпурных одеждах и сидели на позолоченных седах. Все они были хороши собой, но Болли превосходил их всех. Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил король Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный

---

⁵⁹ *Laxdæla saga*. 73. kafli; Сага о людях из Лососьей долины. С. 428.

щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него была пика, как это принято в других странах. Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли и на его великолепие, и на его сотоварищей»⁶⁰.

Исландского сказителя интересует судьба Болли и принёсшие ему славу результаты его деятельности в Византии, нежели сама эта деятельность. Значительно больше внимания подвигам своего героя в Византии уделяет другой сказитель, который повествовал о самом известном из варангов-гвардейцев — Харальде Сигурдарсоне, ставшем позднее норвежским королём и получившем прозвище Суровый Правитель. Славе Харальда способствовало и сочинение скальдических стихов — в том числе им самим (он был искусным скальдом), — и его рассказы о своих сражениях в Византии, подхваченные его дружинниками и затем передававшиеся другими рассказчиками — уже в Исландии.

Ярким следом «дворцовых» варангов-скандинавов являются рунические надписи в соборе св. Софии в Константинополе. Все они расположены на галерее второго этажа, где во время богослужений должны были находиться телохранители императора. Три воина, Ари, Хальвдан и Аринбьярн, вероятно, заскучавшие во время длительной церемонии, вырезали свои имена — засвидетельствовав тем самым свое пребывание в соборе.

Купец

Деятельность скандинавов в Византии в отечественной и зарубежной литературе традиционно характеризуется как наёмничество и торговля. Так, об «интенсивном обмене товарами и услугами» пишет, например, Э. Пильц⁶¹. Правда, собранные ею обширные и разнообразные материалы (в значительной части указывающие лишь на поездки скандинавов в Византию, но не на их торговую деятельность) привели её к выводу о том, что торговые связи с Византией были преимущественно опосредованными и что таким посредником была Русь. К сходному выводу пришёл и Я. Ферлуга, отметивший незначительность следов торговой активности скандинавов с Византией в Скандинавии⁶². Однако вопрос о том, почему прямые торговые связи скандинавов⁶³ с Византией в IX–XI вв. — в

⁶⁰ Ibid. 77. kaflí; Там же. С. 436.

⁶¹ Piltz E. Varangian Companies for Long Distance Trade: Aspects of Interchange between Scandinavia, Rus' and Byzantium // Byzantium and Islam in Scandinavia. Acts of a Symposium at Uppsala University June 15–16 1996 / Ed. E. Piltz. Göteborg, 1998. P. 86.

⁶² Ferluga J. Der byzantinische Handel nach Norden // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. Teil IV. Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / Hrsg. K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, und D. Timpe. S. 639–642 S. 616–642.

⁶³ Я имею в виду исландцев, норвежцев, шведов, данов. Скандинавов, осевших в Восточной Европе в VIII — первой половине X в., я условно называю русью/русами.

отличие от активной военной деятельности и при бесспорной престижности византийских материальных и культурных импортов — не получили распространения, как кажется, даже не ставился.

Если почти полное отсутствие сведений о торговой деятельности скандинавов на Волжском пути и об их противоречивых отношениях с Хазарией вполне объяснимо, с одной стороны, большой временной дистанцией и спецификой отражения событий IX–X вв. (в форме сюжетных мотивов в сагах о викингах), а во-вторых (и это, видимо, главное) — практически полным прекращением связей с указанным регионом Европы в последующее время, то контакты с Византией в том же X в., как мы видели, представлены и в современных событиях письменных текстах (скальдические стихи, ранние рунические камни), и в более поздних, XIII–XIV вв. (родовые и королевские саги). Память о контактах IX–X вв. поддерживалась их сохранением и в XII–XIV вв. (паломничества, участие в Крестовых походах и др.), а также чрезвычайно высоким престижем Византийской империи.

Удивительно, однако, что среди таких сообщений практически нет известий о скандинавских купцах, отправившихся в Византию с или за ценными товарами — прежде всего шёлком и предметами роскоши, которые появились в Скандинавии уже в IX в.⁶⁴ Единственным, насколько мне известно, прямым сообщением о торговле скандинава в Византии является рассказ о поездке Финнбоги Сильного в Константинополь по поручению норвежского ярла Хакона для взыскания долга с исландца Берси Белого, который семь лет назад «поселился в Грикланде, и там служит конунгу, которого зовут Йон, знатному хёвдингу. Теперь сделался Берси дружинником Йона конунга и [был] в большой милости». Прибыв в Грикланд, Финнбоги «поселился недалеко от палат конунга. Они вели торговлю с местными жителями». Встретившись с императором Йоном, Финнбоги излагает ему своё поручение, получает обещание «подумать об этом деле» и предложение остаться на зиму «и свободно заниматься торговлей с нашими людьми»⁶⁵. Получив долг и богатые подарки от императора, а также прозвище *rammi* — Сильный, Финнбоги возвращается в Норвегию. Сага, написанная, вероятно, в первой половине XIV в., романтизирует героя — реальное лицо, упомянутое в «Книге о занятии земли» (гл. 71), — используя распространённые повествовательные мотивы саг о древних временах и родовых саг. При этом хронологические ориентиры саги не согласуются между собой. Согласно внутренней хронологии саги, Финнбоги должен был родиться между 925 и 931 гг., а в Норвегию и Византию он отправился, как

⁶⁴ *Duczko W.* Byzantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation // *Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glauberwechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. M. Müller-Wille. Stuttgart, 1997. Bd. 1. S. 291–311; *Androschuk F.* Vikings in the East: Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala, 2013. P. 91–117.

⁶⁵ «„Hann sé kominn út í Grikkland en þar ræður fyrir konungur sá er Jón heitir og ágætur höfðingi. Nú hefir Bersi gerst hirðmaður Jóns konungs og vel virður»; «Fer Finnboði hljóðlega og tekur sér herbergi skammt frá konungs aðsetu. Þeir hafa kaupstefnu við landsmenn»; «Nú skuluð þér hér í vetur vera og eigið frjálsglega kaup við vora menn» (Finnboga saga ramma, 18.–19. kaflar: Finnboga saga ramma // The Icelandic Saga Database [Электронный ресурс]. URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_ramma (05.12.2022)).

говорится в саге, в возрасте 18 лет, т. е. в 940-е гг. Однако в то время хладирским ярлом был Сигурд сын Хакона; его отец Хакон сын Грьотгарда был союзником Харальда Прекрасноволосого, который умер ок. 933 г., а его сын Хакон Могучий был фактическим правителем Норвегии в 971–995 гг. Частое отождествление «конунга Йона» с Иоанном Цимисхием также недостоверно: побывать в Византии при Иоанне Цимисхии, который взойшёл на престол в 969 г., Финнбоги никак не мог. Поскольку других императоров с именем Иоанн в X в. не было, предполагается, что автор саги использовал имя одного из последующих императоров: Иоанна II Комнина (1142–1143), Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254), Иоанна IV Дуки Ласкариса (1254–1261), т. е. императора Иоанна (Йона), но современного не Финнбоги, а автору саги⁶⁶. Эти хронологические неувязки и беллетризированный характер как саги в целом, так и данного рассказа (см., например, мотивацию прозвища героя — Сильный, которое было дано ему императором, поскольку Финнбоги поднял помост с сидевшим на троне императором и его приближёнными), заставляют с крайней осторожностью относиться к упоминанию о торговой деятельности Финнбоги в Византии: не исключено, что оно отражает представления автора саги, жившего в ганзейскую эпоху, когда торговля была естественным занятием многих исландцев и норвежцев — в отличие от наёмничества.

Другим, но ещё более сомнительным свидетельством торговли скандинавов в Византии является уже упомянутый рассказ в «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра» об условно датируемой 950 г. поездке исландца Эйвинда сына Бьярни. Эйвинд едет в Норвегию в качестве купца (*farmaðr*), после чего отправляется в Миклагард (Константинополь), где проводит «некоторое время». Поездки исландцев в Норвегию с торговыми целями были регулярны, и упоминание об этом вполне обыденно. Однако о продолжении торговой деятельности Эйвинда на востоке сага не упоминает, и значительно вероятнее, что он поступил в империю на военную службу, как и другие его соотечественники.

Надо отметить, что сообщений о торговых поездках скандинавов за пределы Скандинавских стран в исландских сагах не так много, особенно в сравнении с рассказами и упоминаниями их военных предприятий, но все они говорят о торговых связях с Новгородом, Англией и Ирландией. В шведских рунических надписях XI в. увековечивается память о человеке, которые «часто плавал в Земгалию на корабле с дорогими товарами», а также о некоем Дьярве, получившем весы у земгальца⁶⁷. Саги неоднократно рассказывают о купцах, исландцах и норвежцах, торговавших на Руси. Древнейшее из таких упоминаний относится ко второй половине IX в.: исландец Бьёрн получил прозвище Шкура, потому что «он был великим путешественником, Ездоком-в-Хольмгард и купцом, часто ездил на восток, и у него были лучшие шкуры на продажу, чем у большинства других купцов,

⁶⁶ *Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. P. 196.*

⁶⁷ *Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 307–308 (Б-III.5.13), 330–331 (Б-III.7.18).*

и поэтому его прозвали Бьёрн-Шкура»⁶⁸. Речь, однако, идёт исключительно о поездках в Новгород⁶⁹, где на торгу скандинавы приобретают драгоценные ткани, вероятно, византийского производства, богатые одежды, меха, в том числе для перепродажи в Западной Европе, предметы роскоши: украшения, столовую утварь и др., а также рабов (рабынь). Здесь же они встречаются с купцами из других стран: согласно «Пряди о Хауке Длинные Чулки» по «Большой саге об Олаве Трюгтвасоне» (ок. 1300 г.), Хаук покупает драгоценный плащ, отделанные золотом, у торговца-грека⁷⁰; по хронологии саги его поездка датируется первой третью X в. Возможно, уже во второй половине 1020-х гг. был заключён первый торговый договор с Норвегией⁷¹.

В 22 рунических надписях отношения заказчиков памятника и поминаемого определяются словом *félagi* (от *liggja fé*, дословно «складывать имущество») «компаньон, сотоварищ», которое могло относиться к участникам викингского грабительского похода, но чаще, особенно в сагах, означало складников — купцов, ведших совместную торговлю за пределами Скандинавии⁷². Однако в связи с поездками в Византию этот термин упоминается только один раз — на камне, найденном на о. Березань в устье Днепра и датированном второй половиной XI в.: «Грани сделал этот холм по Карлу, своему сотоварищу» (*félagi*)⁷³. Род занятий Грани и Карла и цель их поездки остаются неясными: они могли быть как воинами, так и купцами и направляться как в Византию, так и на Ближний Восток или возвращаться оттуда.

Таким образом, древнескандинавские источники, уверенно свидетельствуя о торговле с Новгородом, практически совсем не отразили прямые торговые контакты с Византией.

Если не об отсутствии таковых, то, по крайней мере, об их незначительности, вероятно, говорят и довольно скудные византийские импорты в Скандинавии, сосредоточенные в основном на востоке: в Свеаланде и на Готланде. Древнейшим свидетельством контактов скандинавов с Византией считается монета чеканки 776/7 г. из Петергофского клада, зарытого в самом начале IX в., с греческим граффито ΖΑΧΑΡΙΟΥ (*gen.* от *Zacharias*)⁷⁴. Для IX в. наиболее показательны монеты императора

⁶⁸ Литовских Е. В. Древнерусско-исландские связи в X–XIII вв.: Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 184–189.

⁶⁹ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Вып. XXXII. С. 117–128; Она же. Исландские королевские саги. С. 327–329.

⁷⁰ Она же. Исландские королевские саги. С. 626–627.

⁷¹ Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 354–370.

⁷² Там же. С. 345–353.

⁷³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 200–202 (А.2.1).

⁷⁴ Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 26–47.

Феофила (829–842) и три печати (найжены в Хедебю, Риббе и Тиссё) патрикия Феодосия⁷⁵.

Византийские монеты начинают поступать в Скандинавию уже в эпоху Великого переселения народов (известно ок. 900 солидов этого времени из Швеции и Дании)⁷⁶. С VII и вплоть до XII в. в Скандинавию приходят фоллисы (их число невелико, и они представлены единичными находками)⁷⁷, а с 800 г. появляются милиарисии (древнейшие — 6 монет императора Феофила, 803–842 гг., найденных в Швеции, из них четыре — в Бирке), число которых не превышает 600: около 500 из Швеции (из них 104 милиарисия найдено в одном кладе — из Оксарве, Готланд), 40 из Дании, 20 из Норвегии и 19 из Финляндии⁷⁸, причём обнаруживаются они в основном в кладах середины IX — середины X в. только вместе с восточными монетами⁷⁹, что говорит о сложении комплексов монет в Восточной Европе. 23 золотые номисмы происходят с о. Готланд, из Дании и Норвегии⁸⁰, из них 16 представлены в кладе из Хён (*Hoen*), Норвегия. При этом 24% всего количества найденных византийских монет были превращены в подвески, в том числе все номисмы из клада из Хён⁸¹. По сравнению с 90 000 восточных монет, найденных в материковой Швеции и на о. Готланд, византийский монетный импорт ничтожен и вряд ли указывает на интенсивность торговых связей с Византией. Он свидетельствует скорее о том, что византийские монеты высоко ценились и были престижны⁸².

Более репрезентативны находки фрагментов изделий из шелковых тканей⁸³ — их необычно большое число концентрируется в Бирке. Они найдены примерно в 70 погребениях — как мужских, так и женских⁸⁴. Вывоз шёлка, однако, строго контролировался византийскими властями⁸⁵. Иное дело — подарки отрезков шёлка или изделий из него. Согласно «Повести временных лет», Ольга перед отъездом из Константинополя получила в дар «злато и серебро, паволоки и съсуды различныя»⁸⁶. Исландец Болли сын Болли, побывав в Византии, «не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей...

⁷⁵ *Androschuk F. Vikings in the East. P. 95.*

⁷⁶ *Kromann A. Mønterne fra Byzanz // Bysans och Norden / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989. S. 84.*

⁷⁷ *Ibid. S. 88.*

⁷⁸ *Ibid.; Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm; London, 1989; Androschuk F. Vikings in the East. P. 113–117.*

⁷⁹ *Androschuk F. Vikings in the East. P. 115.*

⁸⁰ *Duczek W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden. P. 293.*

⁸¹ *Audy F. How were Byzantine coins used in Viking-Age Scandinavia? // Byzantium and the Viking World / Ed. F. Androschuk, J. Shepard, M. White. Uppsala, 2016. P. 144, 151. 141–168.*

⁸² *Malmer B. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Century A.D. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979 / Red. par R. Zeitler. Uppsala, 1981. P. 128; Audy F. How were Byzantine coins used. P. 165.*

⁸³ *Lopez R. J. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. Vol. 20. P. 1–42.*

⁸⁴ *Hägg I. Silks in Birka // Byzantium and the Viking World. P. 281–304.*

⁸⁵ *Hauszig S. W. Der Seidenhandel über die Chazaren mit Byzanz und Skandinavien // Les pays du Nord et Byzance. P. 187–194; Ferluga J. Der byzantinische Handel nach Norden. S. 635–639.*

⁸⁶ Лавр. Стб. 61.

Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил конунг Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ...»; пурпурные одежды были и на его 12 спутниках⁸⁷. Это и другие подобные сообщения саг подтверждаются археологическим материалом. По наблюдениям И. Хегт, ряд погребённых в Бирке воинов были одеты в шёлковые одежды; в одном случае удалось даже восстановить покррой одеяния — византийского скарамантия, верхней одежды, которую носили военнослужащие, чиновники и придворные, а также сам император⁸⁸. Могли изделия из шёлка попадать в Византию и транзитом: драгоценный (шёлковый?) плащ, отделанный золотом, был куплен Хауком в Новгороде у торговца-грека (см. выше). Однако находки ценных украшений, предметов культа и утвари собственно византийского производства, а не русского по византийским образцам, — единичны⁸⁹.

Таким образом, археологический материал свидетельствует о существовании связей Скандинавии с Византией, особенно во второй половине X–XI в., однако он не даёт оснований говорить о сколько-нибудь регулярных прямых торговых контактах.

Между тем, восточные и византийские источники содержат информацию о торговле ар-рус, или росов в Византии⁹⁰, причём уже с третьего десятилетия IX в. Ибн Хордадбех, прекрасно осведомлённый в силу своей официальной должности о международных контактах в Восточной Европе и на Переднем Востоке, пишет о том, что с купцов-русов «берет десятину властитель Рума (Византии. – Е. М.)»⁹¹, т. е. в арабском мире было известно о том, что русы приходят в Византию с торговыми целями. Это сообщение Ибн Хордадбега присутствует в ранней редакции его «Книги путей и стран» и, соответственно, датируется временем не позднее 840-х гг.⁹² Оно недвусмысленно свидетельствует о проникновении скандинавских торговцев в Византию практически одновременно с появлением в Константинополе послов-свеев, назвавшихся росами, от некоего «кагана», о чём сообщается в «Бертинских анналах»⁹³. Из слов Ибн Хордадбега, однако, остаётся

⁸⁷ «Bollí hafði mikið fé út og marga dýrgripa er höfðingjar höfðu gefið honum... Hann vildi engi klæði bera nema skarlatksklæði og pellsklæði... Bollí ríður frá skipi við tólfta mann. Þeir voru allir í skarlatksklæðum, fylgdarmenn Bolla... Hann var í pellsklæðum er Garðskonungur hafði gefið honum. Hann hafði ysta skarlatkskápu rauða»: *Laxdæla saga*. 77. kafli; Saga о людях из Лососьей долины. С. 436.

⁸⁸ *Hägg I. Birkas orientalska praktplagg // Fornvännen*. 1984. Årg. 78. S. 218. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?dsid=4405&pid=diva2%3A1225705> (07.12.2022).

⁸⁹ *Duczko W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden*.

⁹⁰ Я не рассматриваю здесь сообщения о торговле русов по Волжскому пути. Надо лишь отметить, что как сообщения восточных писателей (в частности, Ибн Фадлана), так и нумизматические данные указывают на то, что между Скандинавскими странами и Волжской Булгарией существовали прямые торговые связи. См.: *Kovalev R. Were there Direct Contacts between Volga Bulgária and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence // Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2013. Vol. 20. P. 67–102.

⁹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. 2009. Т. III. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. С. 30.

⁹² *Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков*. М., 2018. С. 163.

⁹³ См. выше примеч. 4.

неясным, каких именно скандинавов он имел в виду: приходивших непосредственно из Скандинавии или уже осевших в Восточной Европе (в Ладоге). Скорее всего, он вообще не делал различия между теми и другими и знал только, что они приходят из земли славян, отчего и причислил их к роду славян (если эта фраза не является позднейшей вставкой).

Очевидно, что такие появления были нечастыми и мало заметными в системе обширных торговых связей Византии. Неслучайно в 860 г. патриарх Фотий, свидетель осады Константинополя росами и участник обороны города, называет нападавших не незнакомым византийцам народом, а «народом незаметным, народом, не бравшимся в расчет, народом, причисляемым к рабам»⁹⁴. Формулировки Фотия предполагают, что к 860 г. в Византии уже были достаточно хорошо знакомы с росами, но они не привлекали внимания и не вызывали интереса у властей ни как торговые партнеры, ни как военная сила, угрожающая империи или пригодная для использования: как угроза — до событий 860 г. как наёмники — до начала X в., как торговые партнеры — вплоть до 910-х гг.

Таким образом, на протяжении большей части IX в. торговые плавания скандинавов в Византию были спорадическими, осуществляемыми отдельными отрядами, которые, вероятно, использовали различные маршруты, в том числе и Днепровский, о котором пишет Ибн Хордадбех. Однако редкость этих поездок почти на всём протяжении IX в. не вызвала ещё необходимости в сколько-нибудь постоянных стоянках, и только к концу этого столетия возникают эмпории, обслуживавшие Днепровский путь: Гнёздово в начале пути и Киев в его центральной части. Их появление знаменует интенсификацию движения по Днепровскому пути и, соответственно, увеличение числа торговых предприятий скандинавов — военные отряды, ехавшие с целью грабежа или найма на службу, в таких стоянках нуждались в значительно меньшей степени.

Купцы-скандинавы — но уже осевшие в Восточной Европе — хорошо известны в Византии самое позднее с 911 г., когда был заключён первый известный нам договор с византийскими властями, который касался прежде всего торговых отношений. Заключённый в 944 г. русско-византийский договор не только посвящён торговле, но перечисляет в качестве свидетелей 26 купцов («гостей»), среди которых два носят славянские имена, один — финское (?), остальные — скандинавские. Подробно пишет об организации торговли росами Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (начало 950-х гг.)⁹⁵. Он же упоминает в справочнике «О церемониях», написанном в 963 г. или позже, купцов, сопровождавших княгиню Ольгу: их количество достигает 44 человек⁹⁶. Почти столетие спустя Скилица сообщает об убийстве на рынке русского купца, что

⁹⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь. С. 57.

⁹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989 (=Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 44–51.

⁹⁶ Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies. Vol. 2. P. 511, 594–597.

спровоцировало в 1043 г. неудачный поход на Константинополь Владимира Ярославича⁹⁷.

Однако во всех этих случаях торговые операции в Византии совершают отнюдь не выходцы непосредственно из Скандинавии. Константин, безусловно считая росов скандинавами, пишет только о тех росах и их архонтах, которые прочно обосновались в Киеве. Здесь они обитают, отсюда отправляются в полюдье по подвластным им территориям, сюда «подплатёжные» им славяне доставляют моноksилы и здесь моноksилы затем оснащаются для плавания в Византию⁹⁸. Константин прямо не говорит о целях, которые преследуют росы, отправляясь в Константинополь, но упоминание рабов, которых в цепях проводят по суше при преодолении порога Айфор, а также грузов, которые переносят на плечах, с очевидностью указывает на торговый характер этих поездок. Едва ли ошибочно общее мнение, что в Константинополь росы везли на продажу рабов и ценности (пушнину, воск, мёд), полученные ими в ходе полюдья. Подавляющее большинство купцов, засвидетельствовавших договор 944 г., судя по их именам — скандинавы, но вряд ли столь серьёзная миссия могла быть возложена на случайных, только что прибывших норманнов. Скорее это были более или менее профессионализировавшиеся к тому времени люди, регулярно занимавшиеся дальней торговлей, возможно — жившие в различных центрах подвластной Рюриковичам территории. Точно так же и в свите княгини Ольги не могли оказаться случайные люди. И в том, и в другом случае это должны были быть доверенные члены княжеского окружения, имевшие опыт плаваний в Византию. Они должны были быть и неплохими воинами, способными защитить себя и свои товары — неслучайно, по рассказам исландских саг, торговля нередко перетекала в вооружённое столкновение и наоборот, а преодолевавшим Днепровские пороги росам, по словам Константина Багрянородного, постоянно приходилось нести стражу и отражать нападения печенегов. Таким образом, в византийских источниках, сообщающих о торговых отношениях со скандинавами, речь идёт о киевской руси, а не о жителях Скандинавии.

Так же и русско-византийские договоры заключаются «великими князьями рускими» — скандинавами, но уже осевшими и закрепившимися в Киеве, и, как Игорь, уже частично ассимилировавшимися в славянской среде (ср. славянские имена у членов княжеского рода: Святославъ, Володиславъ, Передъслава). В текстах договоров недвусмысленно подразумеваются купцы (гости), если и не из Киева, то из других центров «Руской земли», подвластной киевскому князю. Так, в договоре под 907 г. гости «поидучи же **домовъ, в Русь** (выделено мной. — Е. М.) за ся, да емлют у царя вашего на путь брашно...елико имъ надобе»⁹⁹. В договоре 944 г. идентичность «сълов и гостей» определяется словами «от рода рускаго», т. е. они —

⁹⁷ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 430 (гл. 6, строки 41–48); *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *История Византии*. М., 1967. Т. 2. С. 347–353.

⁹⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44–47.

⁹⁹ Лавр. Стб. 31.

скандинавы (что подтверждается подавляющим большинством имён послов и купцов), но живущие на территории, на которую распространяется власть «рускаго» (киевского) князя. Именно князь и его «боляре» посылают в Византию своих послов и купцов, удостоверяя их лояльность золотыми и серебряными печатями и княжескими грамотами (см. выше). Речь, таким образом, идёт исключительно о тех послах и купцах, которых русский князь сам посылает в Византию, или о тех воинских контингентах, которых киевский князь отправляет в Византию по просьбе императора, но не о неких самостийно «приходящих» скандинавах, независимых торговцах, воинских отрядах или отдельных викингах, собирающихся наняться на службу в империю. Их возможное появление в Византии также оговорено в договоре 944 г.: приходящие «без грамоты» подлежат аресту до выяснения их намерений у киевского князя, а в случае их вооружённого сопротивления они могут быть убиты без компенсации¹⁰⁰. Судя по употреблению притяжательных местоимений («преданы будуть намъ» и «възвѣстимъ князю вашему»), это положение внесено в текст договора византийской стороной. Очевидна нежелательность для византийских властей подобных визитов.

Однако в упорядочении русско-византийских связей, как свидетельствует договор 944 г., была заинтересована не только византийская, но и русская сторона. Инициатива введения «удостоверительных грамот» принадлежит не византийцам, а самому киевскому князю: «Ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему»¹⁰¹. В этом разделе речь идёт о послах и купцах. Ниже оговаривается процедура найма на военную службу: «Аще ли хотѣти начнуть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ»¹⁰². Тем самым устанавливался жёсткий контроль киевских властей над поездками с целью как торговли, так и наёмничества в Византию из Восточной Европы.

Таким образом, с середины X в. осуществлять поездки в Византию скандинавы (как другие, некиевские, группировки росов, осевших в Восточной Европе, так и пришедшие непосредственно из Скандинавии), могли только с согласия киевского князя, хотя первые, ещё, видимо, мало эффективные попытки ограничить несанкционированный доступ в Византию делаются уже в тексте договора, помещённом под 907 г., где ответственность за «благонадѣжность» прибывающих русов возлагается на киевского князя: «...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей»¹⁰³. Это условие не конкретизировано и выглядит скорее общим пожеланием: если киевский князь мог запретить своим дружинникам, отправлявшимся в Константинополь для торговли или службы, грабить встречавшиеся на пути поселения и города (впрочем,

---

¹⁰⁰ Там же. Стб. 48.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. Стб. 52.

¹⁰³ Там же. Стб. 31.

неясно, насколько действенным было для них его «слово»), то трудно представить себе, каким образом он мог «своим словом» воспрепятствовать проходу вооружённых отрядов с севера даже мимо Киева, не говоря уже о других возможных выходах в Чёрное море¹⁰⁴.

Заинтересованность Византии в предотвращении появления независимых отрядов викингов вполне понятна — они представляли серьёзную угрозу для империи в X в. Но, видимо, киевский князь имел не меньше оснований не допускать независимых купцов-скандинавов, нежели византийские власти. С одной стороны, отряды воинов-скандинавов были опасны обосновавшимся в Восточной Европе русам, хотя условия плаваний по рекам существенно снижали фактор неожиданности и тем самым степень опасности. Тем не менее столкновения между их отдельными группами были неизбежны, и если в сагах о викингах эти столкновения отразились в одном из наиболее распространённых сюжетных мотивов — нападении героя-скандинава на «конунга Гардарики»¹⁰⁵, то в «Повести временных лет» мы находим прямой рассказ о борьбе двух групп скандинавов: нападении войска Олега (*Helgi*) на обосновавшихся в Киеве скандинавов под главенством Аскольда и Дира (*Höskuldr* и *Dyrr/Dyr*), убийстве последних и вокняжении Олега в Киеве (изменение в Новгородской первой летописи, т. е. в Начальном своде, ролей Олега и Игоря Рюриковича сути повествования не меняет).

С другой стороны, речь в соответствующих статьях идёт не столько о военных отрядах (условия их доступа в Византию оговариваются ниже в отдельной статье), сколько о купцах, которые должны получать грамоты стандартизированного содержания: «...да приносить грамоту, пишуще сице: яко послах корабль селико...» Текст договора прямо указывает на то, что поездки в Византию могут совершаться только с разрешения верховного правителя Киевской Руси. Выдававшиеся князем грамоты служили как «удостоверениями» благонадёжности приезжающих, так и своего рода лицензиями на торговлю. Если первая функция грамот обеспечивала интересы византийских властей, то вторая отвечала потребностям киевской элиты и фактически устанавливала исключительное право киевских русов на торговлю с Византией.

Монополизация византийской торговли была жизненно важна для киевских властей — в условиях военно-торговой экономики элиты¹⁰⁶ торговля составляла важнейший источник её материального обеспечения, получения сверхприбыли и приобретения предметов роскоши, маркирующих ее социальный статус. Военная

¹⁰⁴ Мельникова Е. А. Скандинавы в Восточной Европе. С. 66–81.

¹⁰⁵ Она же. Восточноевропейский мир IX–X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: К 70-летию А. В. Назаренко. М., 2019. С. 351–355. URL: https://ebookiriran.ru/sites/default/files/2022-07/Nazarenko_2019.pdf (07.12.2022).

¹⁰⁶ Она же. Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. М., 2017. С. 390–440.

элита скандинавского происхождения, укрепившись в Киеве, не имела исконных земельных владений, т. е. источника доходов производящего хозяйства. Правители Киева и их окружение были изначально обособлены от местного населения, и их экономическое обеспечение полностью зависело от степени контроля над торговыми путями¹⁰⁷ и местным населением, от размера подвластной территории, успеха военных походов, т. е. от интенсивности и успешности военной и торговой деятельности. Присутствие конкурентов — независимых купцов-скандинавов — было для киевской руси крайне нежелательным: оно могло существенно снизить доходы руси и поставить под угрозу не только благополучие, но и само существование военной элиты, которое обеспечивалось мощным (по тому времени) профессиональным войском, требовавшим значительных затрат на его содержание и экипировку. Торговая монополия¹⁰⁸ предотвращала утечку прибыли и позволяла концентрировать доходы от торговли в княжеской казне.

Паломник

Проникновение на север восточного христианства¹⁰⁹ и формирование в скандинавском обществе более или менее устойчивого представления о Византии (наряду с Германией и Англией) как источнике христианизации Северной Европы¹¹⁰

---

¹⁰⁷ Обеспечение свободного прохода из Киева в Византию было настолько важной задачей для элиты формирующейся политики, что одной из первых военных акций киевских князей стала борьба с уличами, занимавшими территорию южнее Киева по Днепру и преграждавшими свободное передвижение из Киева к устью Днепра, завершившаяся их разгромом и вытеснением на новые места (Шавелев А. С. «Держава Рюриковичей». С. 92 и примеч. 52).

¹⁰⁸ Формы контроля над торговлей, как кажется, существенно различались в средnedнепровской и волховско-ильменской политиях. В последней, судя по сообщениям восточных писателей, купцы могли свободно передвигаться по Волжскому пути (ср. описание купцов-русов у Ибн Фадлана), но с них взималась торговая пошлина: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 55 («Худуд ал-Алам»), 59 (Гардизи).

¹⁰⁹ В скандинавской историографии «восточным» влияниям до последнего времени уделялось крайне мало внимания. Общей тенденцией было скорее их полное отрицание, чему способствовала нередко не критическая (а подчас и тенденциозная) интерпретация источников для доказательства проникновения восточного христианства в Восточную Скандинавию. См., в частности, статьи слависта А. Шёберга (*Sjöberg A. Pop Upir' Lichoј and the Swedish Rune-Carver Ofeigr Upir // Scando-Slavica. 1982. Vol. 28. P. 109–124; Idem. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age: Papers of the VIIth Visby Symposium Held at Gotlands Fornsal, Gotland's Historical Museum, Visby August 15th–19th, 1983 / Ed. Sven-Olof Lindquist; assist. ed. B. Radhe. Visby, 1985 (=Acta Visbyensia. Vol. VII). P. 69–78; Idem. Öpir — runristare i Uppland och hovpredikant i Novgorod // Långhundraleden: En seglats i tid och rum: 50 bidrag om den gamla vattenleden från Trälhavet till Uppsala genom årtusendena / Sammanställda av redaktionsgruppen inom Arbetsgruppen Långhundraleden. Uppsala, 1993. S. 184–188 и др.), первая из которых вызвала резкую критику голландского рунолога А. Квака и польского историка А. Поппэ: *Quak A. Ist Pop Upir' Lichoј mit dem Runenmeister Öpir identisch? // Scando-Slavica. 1985. Vol. 31. P. 145–150; Поппэ А. «Ис курилоуѣ» и «куриловицѣ» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31–32. P. 319–350). Первым существенным вкладом в изучение этой проблемы явился сборник статей: *Från Bysans till Norden: Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / Red. H. Janson. Skellefteå, 2005.**

¹¹⁰ Хагланд Я.-Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния Восточных церквей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. М., 2004. С. 259–286. В статье предлагается

привело к тому, что ещё до официального принятия христианства в Скандинавских странах между 970-ми гг. и первыми десятилетиями XI в. начались паломничества в Рим и в Святую Землю через Константинополь¹¹¹. Древнейшее упоминание скандинавского паломника по имени Магнус относится к IX в. и содержится в «Книге братьев» швабского монастыря Райхенау¹¹². Цель паломничества Магнуса в списке не указана, но путь из Скандинавии через Центральную Европу вёл, по преимуществу, в Рим, хотя в древнескандинавских итинерариях XII–XIII вв. Райхенау не упоминается¹¹³.

Для конца X — самого начала XI в. саги сообщают, по меньшей мере, о двух поездках в Константинополь с религиозными целями и одной — в Рим. Повествования об этих поездках содержат легендарные подробности и включают ряд устно-традиционных мотивов — что, впрочем, неудивительно в силу длительности передачи этих рассказов изустно до их записи. Согласно «Саге о Торвальде Путешественнике», создание которой датируется временем около 1200 г.¹¹⁴, исландец Торвальд Кодранссон ездил в Иерусалим и Св. Землю, а затем через Сирию попал в Византию и далее на Русь¹¹⁵. Его путешествие относится ко времени около 990 г. и рассматривается как паломничество. Другое — значительно более известное и сагам, и современной историографии путешествие в Константинополь было совершено будущим норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном с целью принять там крещение и обратить в христианство своих покровителей на Руси — князя Владимира и княгиню Аллогию¹¹⁶. Оба повествования содержат сходные мотивы, которые, вероятно, сформировались в устной традиции и в которых содержатся отголоски интенсивного проникновения христианства из Византии в

объяснение причин, по которым «восточные» конфессиональные связи Скандинавии IX–XI вв. оставили лишь незначительные следы в письменных памятниках XIII–XIV вв.

¹¹¹ О скандинавских паломничествах см.: *Riant P. E.* Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades. Paris, 1865. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57968157.texteImage> (07.12.2022); *Ellis Davidson E.* The Viking Road to Byzantium. P. 247–270; *Ciggaar K. N.* Western Travellers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204: Cultural and Political Relations. Leiden; New York; Köln, 1996, а также библиографию в статье: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 363–436.

¹¹² *Reichenau-Listen / Udg. Finnur Jónsson og Ellen Jørgensen // Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie.* 1923. S. 1–54.

¹¹³ *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии.

¹¹⁴ *Þorvalds þáttur víðförla // Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson.* København, 1958. Bd. 1. Bls. 280–300. См.: *Глазырина Г. В.* О Торвальде Путешественнике (*Þorvalds þáttur víðförla* и *Kristni saga*) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год. М., 2022. С. 256–325.

¹¹⁵ См. о поездке Торвальда на Русь: *Глазырина Г. В.* О Торвальде Путешественнике.

¹¹⁶ Это повествование содержится в нескольких редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне» (*Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги. С. 210–214) и многократно привлекало внимание исследователей. См. последние его интерпретации: *Jackson T. N.* The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia // Three Studies on Vikings and Christianization / Ed. M. Rindal. Oslo, 1994. P. 7–17; *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 391–400. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Uspenskij.pdf (07.12.2022); *Хагланд Я.-Р.* Христианизация Норвегии. С. 265–268.

Скандинавию вместе с возвращавшимися на родину варягами¹¹⁷. Важнейшие из этих мотивов — почести и дары византийского императора приехавшим скандинавам (этот мотив сопровождает большинство повествований о скандинавах в Византии¹¹⁸), отправление миссионеров на Русь, крещение Руси (или части её жителей). Последний мотив — император поручает миссию самому Торвальду, вместе с Олавом император посылает на Русь некоего епископа Павла — играет особую роль в обоих повествованиях и, видимо, был принципиально важен для самосознания скандинавов, поскольку именно им эта традиция приписывала честь христианизации Руси.

Примерно к тому же времени — вскоре после официального принятия христианства в Исландии в 1000 г. — относится паломничество в Рим исландки Гудрид, ставшей христианкой ещё до этого события¹¹⁹.

С начала XI в. появляются первые практически современные событиям свидетельства о поездках в Константинополь, в том числе с религиозными целями, — шведские рунические надписи¹²⁰. Сведения о паломничествах в «византийских» надписях (на 32 памятниках) удаётся отделить от упоминаний торговых или военных предприятий лишь очень редко. Главным показателем того, что путешественник преследовал религиозные цели, является упоминание Иерусалима как конечного пункта поездки (ни Рим, ни Константинополь в рунических надписях не названы ни разу). Таких надписей две. Обе происходят из Упланда (Средняя Швеция) и датируются первой половиной XI в. Первая высечена на памятнике, воздвигнутом вдовой паломника Астрид, которая «велела установить эти камни по Эйстейну, своему супругу. Он направлялся в Иерусалим и умер далеко в Греках»¹²¹. Вторая — заказана некоей Ингирун, дочерью Хёрда, «по себе самой.

¹¹⁷ Melnikova E. Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // *Från Bysans till Norden*. S. 87–124.

¹¹⁸ Мотив связан со стереотипным изображением скандинава (конунга в первую очередь) за пределами Скандинавии, особенно на Руси и в Византии, где его принимают с почётом и дарами: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 годы*. М., 1991. С. 70–79. Специально о мотиве даров см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Презрение к византийскому золоту: общие сюжетные элементы в летописи и саге // *Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени: (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа)*. М., 2006 (=Славяне и их соседи. XXIII конференция, Москва, 2006 г.). С. 48–52. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Slaviane_i_sosedi_XXIII_tezisy.pdf (07.12.2022); Они же. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // *Именослов: Историческая семантика имени*. М., 2007. Вып. 2 / Сост. Ф. Б. Успенский. С. 135–188.

¹¹⁹ *Grænlandinga saga* // *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1953. Bd. 1. Bls. 390. Пер. на рус. яз.: Сага о гренландцах // *Исландские саги* / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1. С. 472. «Сага о гренландцах» написана, как ныне считается, в конце XII в.

¹²⁰ См. подробнее: Мельникова Е. А. Византия в скандинавских рунических надписях // *Византийский временник*. М., 2005. Т. 64. С. 160–180. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/64/53329> (07.12.2022).

¹²¹ Она же. Скандинавские рунические надписи. С. 348 (Часть Б, Приложение 1, № 2 — *Broby, Ur. 136*). Семье Эйстейна принадлежат ещё два памятника: один — сделанный по заказу самого

Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фот высек руны»¹²². Вряд ли поездку Ингирун можно объяснить чем-либо иным, нежели стремлением посетить места земной жизни Иисуса Христа. Указание направления поездки — «на восток» свидетельствует о том, что её путь лежал через Русь: таков был основной маршрут скандинавов в Византию в XI в. Двигаясь по Восточному пути, паломники не могли миновать византийские территории.

Среди этих ограниченных и стереотипных сведений о Византии вообще и Константинополе в частности выделяется сочинение, содержащее перечни святынь некоторых городов Германии, Франции, Италии, Рима, Константинополя и Иерусалима с окрестностями¹²³. Оно сохранилось в трёх рукописях, содержащих древнеисландские учёные сочинения (*fræði*), как оригинальные, так и переводные, написанные в разное время, начиная с середины XII в. Древнейшая рукопись датируется временем ок. 1300 г. и содержит лишь небольшую часть интересующего нас описания¹²⁴. Более полный текст (но без конца) с заголовком *Um borga skiptan oc legstaðe heilagra manna* («О перечислении городов и местах упокоения святых людей») читается в «Книге Хаука», написанной между 1320–1334 гг. по заказу знатного исландца Хаука Эрлендссона¹²⁵, и — без заголовка — в «энциклопедическом сборнике» АМ 194, 8° (1387 г.)¹²⁶.

Традиционно это сочинение, как и другие географические трактаты в рукописи АМ 194, 8°, считалось частью «Дневника» аббата монастыря в Тингейраре (Исландия) Николая¹²⁷, и датировалось соответственно временем до 1159 г.¹²⁸ Однако, как и «Описание Земли И», и ряд других географических трактатов, «Перечень городов» представляет собой самостоятельное произведение. Во-первых, в различных рукописях он соседствует с разными текстами. Во-вторых, отличаются маршруты паломников: в Святую Землю из Рима Николай едет через Бари и Морею, автор «Перечня городов» — через Бари и Константинополь. Наконец, описания Рима и Иерусалима в обоих сочинениях различны и по содержанию, и по объёму.

Эйстейна и Астрид в память об их сыне (*Broby, Up. 137*), второй — воздвигнутый сыновьями Эйстейна в его память (*Broby, Up. 135*).

¹²² Там же. С. 332–334 (Б-III.7.20).

¹²³ *Alfræði Íslenzk: Islandsk encyklopædisk litteratur* / Udg. K. Kålund. København, 1914–1916. Bd. I. Cod. Mbr. АМ 194, 8° (далее — АÍ). S. 32–34. Отдельное издание и характеристика сочинения: Мельникова Е. А. Древнескандинавские итинерарии. С. 416–423.

¹²⁴ Рукопись АМ 736 I, 4°, fol. 2v. Об этой и двух других рукописях см.: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 20–22.

¹²⁵ АМ 544, 4°, fol. 14r, конец сочинения попадает на лакуну. Издание рукописи: *Hauksbók* / Udg. Finnur Jónsson. København, 1892–1896 (далее — Нб.).

¹²⁶ АМ 194, 8°, fol. 16r – 19r. Издание рукописи: АÍ.

¹²⁷ Издание дорожника см.: Мельникова Е. А. Древнеисландские итинерарии. С. 369–415.

¹²⁸ Последнее см.: *Ciggaar K. N. Western Travellers to Constantinople*. P. 112–113.

Однако особый интерес представляет описание святынь Константинополя¹²⁹:

«О перечислении городов и местах упокоения святых людей

...В Миклагарде есть церковь, которая называется Эгисив, в этой церкви находится крест Господень, который привезла туда госпожа Елена. В этом городе покоятся Филипп и Иаков, Лука и Тимофей и правая рука Св. Стефана, плащ Господа нашего, голова Иоанна Крестителя и головы Авраама, Исаака, Иакова, там находится и колыбель, в которую был положен Господь наш.

В Азиаланде находится Эфес, там гробница Иоанна евангелиста.

В Миклагарде в одном древнем полоте находится писание, которое Господь наш написал сам своей <благословенной — АМ 194, 8°> рукой, копье и гвозди, терновый венец, накидка, капюшон, кнут, плащ, туфли, камень, который лежал в гробу под головой Господа нашего, и саван с платком и кровью Христовой, сосуд для омовения и тот плат, которым он утёрся, пояс Св. Марии с её посохом, голова Иоанна Крестителя и рука с кистью, жезл Моисея, одеяние святого пророка Илии <, рог, из которого помазывали иудейских королей — АМ 194, 8°>, рука святого апостола Андрея и кисть руки святого апостола Павла, голова евангелиста Луки, голова мученика <мученика — отсутствует в АМ 194, 8°> Феодора, голова апостола Фомы и его пальцы, голова Григория, архиепископа Эрмланды Великого (Великой Армении. — Е. М.), волосы Григория Назианзина, одежды мученика Димитрия, трон конунга Давида, упряжь, принадлежавшая конунгу Константину <и его матери Елене — АМ 194, 8°>, кровь мученика Пантелеимона с молоком, которое текло из раны, когда он был четвертован, часть руки¹³⁰ Св. Петра, серебряный крест, равный по длине телу Христову, три медных трубы, в которые велел трубить Иешуа семь дней, прежде чем пал город Иерихон, тот камень, который лежал у колодца, где Господь разговаривал с самаритянками, серебряный крест, выложенный драгоценными камнями. Этот крест конунг Константин сделал по подобию того креста, который он видел в небе вместе с образами Св. Марии и Иисуса Христа, её сына; этот образ был пронзён неким иудеем ножом в горло и кровоточил. Там покоится и Иаков, брат Господа, и Симеон, который привёл Христа к алтарю древних, Захарий, отец Иоанна Крестителя, и 12 коробов [хлебов], которые носили апостолы, топор Ноя, которым он строил ковчег, голова апостола Матфея. Там покоится конунг Константин Великий и Елена, его мать, и многие другие императоры.

В Миклагарде находятся те пелены, в которые заворачивали Христа, и то золото, которое изготовил некий чужодец, и множество других святых реликвий».

¹²⁹ Перевод фрагмента текста, посвящённого святыням Константинополя, сделан по рукописи АМ 544, 4° с продолжением по рукописи АМ 194, 8°:

¹³⁰ Здесь заканчивается текст в АМ 544, 4°.

Описание Константинополя в «Перечне», не имеющее параллелей в древнескандинавской литературе¹³¹, представляет собой — в отличие от других подобных описаний — сухой список святынь, находящихся в различных церквях города. Вместе с тем число перечисленных в нем реликвий далеко превосходит другие аналогичные тексты. В общей сложности в нем названа 61 реликвия разного характера и происхождения.

Описанию Константинополя и хранящихся в нем христианских реликвий до разграбления города крестоносцами в 1204 г. посвящено несколько сочинений, составленных как в Западной Европе, так и на Руси. К первым относятся четыре текста. Древнейший из них, условно называемый мною Английский аноним, сохранился в рукописи Бодлианской библиотеки Оксфорда (Digbeianus lat. 112, f. 17r–28v). К. Сигтор датирует сочинение началом XII в. и полагает, что его автором является англичанин¹³². К Английскому анониму примыкает т. н. Аноним Меркати (рукопись Ottobonianus lat. 169) начала XIII в. (до 1204 г.)¹³³. Третий небольшой трактат, условно названный Л. К. Масием Санчесом Анонимом Ламбреса (Лондон, Британская библиотека, Cotton Vitellius A.XX. f. 239), видимо, является переводом описания святынь Константинополя на греческом языке, опубликованного С. П. Ламбросом, и написан, по датировке его издательницы К. Сигтор, между 1136 и 1143 гг.¹³⁴ Четвёртый схожий по составу и структуре описания трактат, т. н. Таррагонский аноним (рукопись конца XII или начала XIII в., в Публичной библиотеке г. Таррагон, Каталония № 55, f. 50–58v)¹³⁵, датируется К. Сигтор по составу перечисленных в нем реликвий временем до 1098 г. Главным основанием для этой датировки, по её мнению, является то, что упоминаемое в сочинении среди Страстных реликвий копье не называется в числе святынь Константинополя после 1098 г., когда крестоносцы нашли в Антиохии Святое копье¹³⁶. Исследовательница, однако, не знакома с древнерусской паломнической литературой. Между тем Антоний Новгородский, совершивший

¹³¹ Святая Земля и Иерусалим не раз упоминаются в сагах и итинерариях, в *Kirjalax saga* содержится близкое к «Перечню» описание Иерусалима, а его схематический план изображен в рукописях AM 544, 4° и AM 736 I, 4°.

¹³² Ciggaar K. Une description de Constantinople traduite par un pèlerin anglais // Revue des Etudes Byzantines. 1976. T. 34. P. 211–267 (далее — Angl.). Пер. на рус. яз.: Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Пер., предисл. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 436–463 (далее — Английский аноним).

¹³³ Mercati S. G. Sanctuari e reliquie Constantinopolitane second oil codice ottoboniano latino 169 prima della conquista Latina (1204) // Rendiconti della Perfidia Accademia Romana di Archeologia. 1936. Vol. XII. P. 133–156 (далее — Merc.).

¹³⁴ Ciggaar K. N. Une description anonyme de Constantinople du XII siècle // Revue des Etudes Byzantines. 1973. T. 31. P. 335–354.

¹³⁵ Eadem. Une description de Constantinople dans le Tarrogonensis 55 // Revue des Etudes Byzantines. 1995. T. 53. P. 117–140 (далее — Tarr.); пер. на рус. яз.: Таррагонский аноним. «О граде Константинополе». Латинское описание реликвий XI в. / Пер., предисл. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса // Реликвии в искусстве и культуре восточно-христианского мира: Тез. докл. и мат-лы междунар. симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 156–170 (далее — Таррагонский аноним).

¹³⁶ Tarr. P. 130–132.

поездку в Константинополь в первые годы XIII в., указывает на наличие копья среди других Страстных реликвий, хранившихся в церкви Фаросской Богоматери в Большом дворце¹³⁷. Это означает, что *terminus ante quem*, предложенный К. Сигтор, неверен и Таррагонский аноним не может быть датирован более точно, нежели временем до 1204 г.

Латиноязычные описания, как полагают С. Меркати и К. Сигтор, являются переводами греческого сочинения, в котором описывались храмы Константинополя и находившиеся в них реликвии, а также были широко представлены сказания о чудотворных иконах и других святынях¹³⁸. Автором перевода, по предположению К. Сигтор, был англичанин (две редакции перевода находятся в английских рукописях), связанный с варяжской гвардией византийских императоров.

К этой же традиции примыкает и древнеисландский «Перечень», однако, при значительной близости к Английскому анониму (см. ниже), он не восходит прямо ни к одному из латиноязычных описаний: их отличает, в первую очередь, структура текстов. Все авторы-паломники представляли последовательно группы реликвий, хранящихся в определённом храме, с наименования, а иногда и характеристики которого они начинали каждый раздел. Автор же «Перечня» константинопольских церквей не знает, и список реликвий хаотичен. Во-вторых, латиноязычные описания содержат пространные пересказы византийских «храмовых» легенд: об основании церквей и монастырей, о чудотворных иконах и т. п. В «Перечне» есть аллюзии на некоторые из них, но в очень небольшом количестве, пересказы же легенд отсутствуют совсем.

Другой комплекс описаний святынь Константинополя происходит из Древней Руси. Это прежде всего «Книга паломник» Добрыни Ядрейковича, впоследствии архиепископа новгородского Антония, написанная после его путешествия в Константинополь в первые годы XIII в. Другим близким по времени описанием, но составленным уже после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. (предполагаемая датировка — конец XIII — начало XIV в.) является анонимное Хождение¹³⁹. В составе реликвий, поименованных в русских описаниях и в «Перечне», также существует достаточно выразительное сходство (см. подробнее ниже), однако и они не могут считаться прямыми источниками «Перечня» по тем же причинам, что и западноевропейские.

Можно предполагать, как и в случаях с итинерариями, что «Перечень» основан не столько на конкретных письменных текстах, сколько на воспоминаниях скандинава, побывавшего в Константинополе и Иерусалиме и, вероятно, проехавшего на юг через Центральную Европу и Рим. Впрочем, исключить

¹³⁷ Книга паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа новгородской в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева. СПб., 1899 (=Православный палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 3). С. 18.

¹³⁸ Merc. P. 134–136; Angl. P. 216–224.

¹³⁹ Прокофьев Н. И. Русские хождения XII–XV вв. // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина: Литература Древней Руси и XVIII в. 1970. Т. 363. Прил. 1. С. 235–252 (далее — Хождение).

знакомство с какими-то описаниями Константинополя невозможно: следы знакомства автора «Перечня» с паломнической литературой допустимо усмотреть в его, пусть и крайне неудачной, попытке систематизировать реликвии по месту их нахождения.

Сведения, приводимые автором «Перечня», образуют два комплекса информации. Первый — перечисление реликвий и мест их нахождения. Вторым — аллюзии на легенды о чудотворных святынях города.

В основу структуры перечня автор кладёт общепринятый в паломнической литературе принцип: местонахождение святыни. Однако его незнание константинопольских храмов делает строгое соблюдение этого принципа невозможным, и он делит свой «Перечень» на следующие неравноценные части: 1) реликвии, хранящиеся в Св. Софии, 2) находящиеся «в этом городе», 3) помещённые «в одном древнем полоте» (императорском дворце), 4) снова «в Миклагарде». Таким образом, за исключением Софийского собора и Большого дворца, автор не может назвать ни одного другого места, где хранились бы реликвии, и вынужден употреблять самую общую отсылку — «в городе» и «в Миклагарде». Неясно, чем определялось отнесение реликвий в тот или иной раздел (во всех из них представлены реликвии из самых разных храмов Константинополя), а также, почему автор счёл необходимым ввести две последние реликвии под новой рубрикой «в Миклагарде».

Нарушает структуру и содержание текста упоминание гробницы евангелиста Иоанна в Эфесе, которое вставлено между 1 и 2 разделами списка и не имеет логической связи ни с предыдущим, ни с последующим списком.

Первый раздел автор «Перечня» вводит, опираясь на общескандинавский фонд знаний о Византии, традиционной фразой: «В Миклагарде есть церковь, которая называется Эгисив». В Софийском соборе он называет лишь одну реликвию — Крест, привезённый Еленой из Палестины¹⁴⁰.

«В городе» он перечисляет 11 реликвий. Этот список разнороден: в нём называются реликвии, находившиеся в различных местах: в церкви Фаросской Богоматери в Большом императорском дворце (одежды Иисуса Христа, мощи апостола Филиппа¹⁴¹), в других церквях Большого дворца (десница св. Стефана¹⁴², голова Иоанна Крестителя¹⁴³, головы Авраама, Исаака и Иакова¹⁴⁴),

---

¹⁴⁰ Об обретении Животворящего Креста сообщают многие церковные историки. См.: Щедрина К. А. Царей держава: Значение реликвий и символов Святого Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти: (Историко-богословское исследование). М., 2000.

¹⁴¹ Антоний отмечает, что мощи ап. Филиппа находятся в Золотой палате дворца (Книга паломник. С. 19). В других описаниях святынь Константинополя мощи ап. Филиппа не названы.

¹⁴² Английский аноним. С. 440.

¹⁴³ Аноним Меркати называет «совершенно целую» голову и руку Иоанна Крестителя среди реликвий Большого дворца: Merc. P. 140. См. также: Английский аноним. С. 440.

¹⁴⁴ Английский аноним. С. 440.

в церкви Св. Апостолов (тела ап. Луки¹⁴⁵ и св. мученика Тимофея¹⁴⁶). Две из названных здесь реликвий в других известных мне описаниях не встречаются. Это тело ап. Иакова сына Зеведея (мощи Иакова брата Иисуса Христа отмечены ниже), а также колыбель Иисуса Христа.

Третий раздел посвящён, по словам автора, реликвиям, хранящимся в Большом дворце, который автор обозначает словом «полота», но рассматривает его как апеллятив, а не имя собственное. Автор «Перечня» (в отличие от других паломников, оставивших описания святынь Константинополя) явно не знает того, что во дворце находилось несколько церквей и других помещений, в которых хранились святыни. Более того, он не знает и того, что значительная часть из перечисляемых им реликвий находилась отнюдь не во дворце, а в других храмах Константинополя, ни один из которых он не называет в своем сочинении.

Этот раздел включает более 40 реликвий. Из них в Большом дворце (в церкви Фаросской Богоматери, церкви Св. Михаила в Золотой палате и церкви Св. Стефана) хранились лишь 16. Большая часть остальных поименованных в этом разделе реликвий принадлежала трём крупнейшим церквям Константинополя, которых автор «Перечня» не называет: Софийскому собору, церкви Влахернской Богоматери и церкви Св. Апостолов. Две реликвии — «топор Ноя» и «12 коробов, которые носили апостолы» — связаны с колонной Константина, находившейся около Ипподрома. Завершается «Перечень» указанием ещё двух святынь, которые находятся, по определению автора, «в Миклагарде»: детских пелёнок Иисуса Христа¹⁴⁷ и «золота», принесённого волхвами¹⁴⁸. Согласно всем описаниям, они хранились в Софийском соборе.

Перечисление святынь Константинополя в исландском трактате отличается как от западных, так и древнерусских сочинений того же жанра весьма плохим знанием автором мест, где находились реликвии. Фактически, его сведения о возможных местах хранения реликвий ограничиваются лишь двумя местами — императорским Большим дворцом и Софийским собором, т. е. именно теми, которые были хорошо известны скандинавам, находившимся на службе в Византии, а от них — всему скандинавскому обществу. Надо отметить и то, что автор «Перечня» явно не знаком с отдельными частями Большого дворца, его покоями и церквями, а воспринимает его как некое единое здание.

Второй комплекс информации, запечатлевшийся в памяти автора «Перечня», — легенды, связанные с отдельными реликвиями. В отличие от Английского и Таррагонского анонимов, автор не пересказывает легенды, а лишь кратко упоминает о них. В некоторых случаях он сопровождает название реликвии

¹⁴⁵ Английский аноним. С. 450; Таррагонский аноним. С. 159; Книга паломник. С. 24. См. также: *Mango C. Studies on Constantinople. Aldershot, 1993. Study V. P. 52.*

¹⁴⁶ Английский аноним. С. 450; Таррагонский аноним. С. 159; Книга паломник. С. 24.

¹⁴⁷ Английский аноним. С. 440; Merc. P. 140; Таррагонский аноним С. 158; Книга паломник. С. 2 (см. примеч. 53).

¹⁴⁸ Английский аноним. С. 440; Merc. P. 140; Таррагонский аноним С. 158; Книга паломник. С. 2–3.

комментарием, поясняющим отличительную особенность предмета и вызванным прямой необходимостью: без него будет неясно, почему предмет является реликвией. Таковы пояснения: «камень, который лежал у колодца, где Господь разговаривал с самаритянками», «камень, который лежал в гробу под головой Господа нашего», «плат, которым Он утёрся», «три медных трубы, в которые велел трубить Иешуа семь дней, прежде чем пал город Иерихон»¹⁴⁹, и т. п. Подобные дополнения восходят к библейскому тексту, но не воспроизводят его. Эта информация, доступная любому христианину, могла быть почерпнута автором «Перечня» непосредственно из Библии или проповедей, слышанных ещё на родине.

Собственно византийское происхождение имеют только две упомянутые легенды, и узнать их автор «Перечня» мог в Константинополе от человека, достаточно хорошо знакомого с городом: жителя Константинополя или скандинава-христианина, длительное время находившегося на императорской службе. Среди дворцовых реликвий автор видел серебряный крест, «выложенный драгоценными камнями. Этот крест конунг Константин сделал по подобию того креста, который он видел в небе...». Легенда о видении креста Константину была чрезвычайно популярна в Византии, и автору, очевидно, это предание было изложено.

Другая легенда связана с иконой Богоматери: крест «конунг Константин... видел в небе вместе с образами Святой Марии и Иисуса Христа, её сына; этот образ был пронзён неким иудеем ножом в горло и кровоточил». Легенда, которая повествует о ранении иконы с изображением Богоматери и младенца Иисуса, о её сокрытии святотатцем-иудеем, стремившимся скрыть свой поступок, о последующем нахождении иконы, раскаянии иудея и его обращении в христианство, — подробно рассказана в Таррагонском анониме¹⁵⁰ и, видимо, была широко распространена в Византии¹⁵¹. Вместе с тем ни в одном из изложений легенды о видении креста икона не упоминается. Контаминация двух сказаний, очевидно, принадлежит самому автору «Перечня».

Автор «Перечня», несомненно, побывал в Константинополе сам и видел кое-какие из святынь. О других он мог знать понаслышке. Многочисленные неточности скорее обусловлены несколькими обстоятельствами. Совершенно очевидно, что его интересовали реликвии, но не настолько, чтобы запоминать всяческие подробности, например, то, в каких именно константинопольских храмах они хранятся. Его описание святынь можно определить, в отличие от описаний паломников, как «непрофессиональное». Основные сведения о реликвиях, приводимые им (и не только в описании Константинополя), отличаются общеизвестностью (во всём христианском мире или в Византии). Поэтому, представляется, что, будучи христианином и находясь в Константинополе, он, видимо, проявил определённый интерес к христианским святыням города, однако, не столь настойчивый,

¹⁴⁹ Ис. Нав. 6: 1–20.

¹⁵⁰ Таррагонский аноним. С. 161–162; см. также: Английский аноним. С. 441; Книга паломник. С. 2, 16.

¹⁵¹ Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1994. С. 163–166.

чтобы запомнить наименования церквей, в которых он побывал, или соотнести с ними те или иные реликвии, как это было характерно для паломников, особенно представителей клира. Вероятно, его пребывание в Константинополе было недолгим, что не позволило ему более детально ознакомиться со святынями (не исключено, что он и сам не стремился к их повторному осмотру). Кроме того, ошибки и неточности могли быть вызваны записью перечня по прошествии некоторого, возможно значительного, времени после посещения Константинополя, когда в воспоминаниях о поездке конкретные детали были утрачены и восполнены «фоновыми» знаниями о Византии.

Для характеристики автора «Перечня», возможно, существенно и ещё одно обстоятельство: он не упоминает ни одной реликвии, связанной со святыми-женщинами (кроме Богородицы). Во всех описаниях, как западноевропейских, так и русских, перечисляется немало связанных с женщинами святынь: реликвии Марии Магдалины, погребения святых мучениц, орудия их пыток и т. п. Ни одна из таких реликвий не названа скандинавом. Вряд ли это случайно. Видимо, женщины-святые не интересовали его настолько, что он либо не осматривал соответствующие реликвии, либо полностью о них забыл, либо не счёл необходимым упомянуть их в своем сочинении. Такой гендерно-выборочный подход к реликвиям был бы весьма странным для священнослужителя.

Таким образом, содержание и характер информации о реликвиях Константинополя говорят о том, что автор вряд ли принадлежал к клирической среде, был паломником и находился в городе с целью ознакомления со святынями. «Перечень», скорее, указывает на мирянина, проводшего в Константинополе недолгое время по делам не религиозного характера. Наиболее знакомы ему те места Константинополя, которые составляли среду обитания скандинавских наёмников, служивших в императорской гвардии и проживавших в Константинополе постоянно. Однако и в этих наименованиях он совершает ошибку («в одном древнем полоте»), которая вряд ли была бы возможна, служи он в городе длительное время. Очевидно, что его сведения о Константинополе, соборе Св. Софии и императорском дворце восходят к «фоновым» знаниям, общераспространенным в Скандинавии, а описание реликвий — результат достаточно беглого ознакомления с ними. Вероятнее всего, автором «Перечня» был воин, проезжавший через Константинополь и проявивший интерес к хранящимся в городских церквях святыням, которые были показаны ему одним из скандинавов, находившихся на военной службе в Константинополе. Таким воином мог быть, например, крестоносец — участник одного из крестовых походов или один из членов свиты кого-либо из знатных скандинавских паломников¹⁵².

Время составления «Перечня» установить вряд ли возможно более точно, нежели в самых широких чертах: до 1204 г. Наиболее ранней датой пребывания

---

¹⁵² Так, например, в 1103 г. король Дании Эрик и его жена Ботхильд с большой свитой останавливались в Константинополе по пути в Иерусалим.

автора «Перечня» в Константинополе можно достаточно уверенно считать 1063 г., когда в город был привезен упомянутый им терновый венец. Что же касается *terminus ante quem*, то для него практически нет оснований. Как было указано выше, предложенная К. Сигтор для Таррагонского анонима граничная дата 1098 г. (после которой копьё якобы не упоминается в числе константинопольских святынь) неверна, т. к. его видел Антоний в самом начале XIV в. Многочисленные неточности и ошибки автора не дают возможности опереться и на сведения о переносе реликвий из храма в храм — другой датирующей информации: так, помещённая автором «в полоту» плащаница была перенесена во Влахерны незадолго до 1204 г., где её видел Робер де Клари; однако автор «Перечня» не знает церкви во Влахернах и помещает в число «дворцовых» реликвий, например, пояс Богоматери, хранившийся во Влахернской церкви. В начале XII в. (в 1121 г.?) кисть руки Иоанна Крестителя была повреждена (один палец оказался на Руси)¹⁵³, но автор «Перечня» не говорит о дефекте реликвии; впрочем, этого дефекта он мог не заметить или не счесть необходимым писать о нём. Поэтому пребывание автора «Перечня» в Константинополе можно датировать лишь самым широким образом: от 1063 до 1204 г., а написание сочинения — второй половиной XI — первой половиной XIII в.

Заключение

Пребывание скандинавов в Византии в эпоху викингов засвидетельствовали многочисленные источники, существенная часть которых современна описываемым событиям. Это прежде всего византийские сочинения и скандинавские скальдические стихи, рунические надписи и записанные в конце XII–XIV в., но основанные на устной традиции исландские королевские и родовые саги. Именно они позволяют воссоздать, по крайней мере, в общих чертах деятельность скандинавов в империи на протяжении IX–XI вв., установить её формы и даже проследить в какой-то степени её изменения. Вопреки распространённому мнению о том, что скандинавы стремились в Византию ради военной службы и торговли, более пристальный анализ источников показывает, что это не совсем так.

Действительно, военная служба привлекала скандинавов в наибольшей степени. С одной стороны, она требовала тех знаний и умений, которые скандинавские юноши приобретали с детства, которыми гордились и в которых достигали совершенства. Недаром викинги в свое время считались едва ли не лучшими воинами Европы¹⁵⁴, и их охотно нанимали на службу франкские и английские короли, русские князья. Не составляли исключения и византийские

---

¹⁵³ Древнерусское Хождение конца XIII — начала XIV в., отмечает отсутствие пальца на кисти руки Иоанна Крестителя. См.: Карпов А. Ю. Перенесение перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь в контексте византийской политики Владимира Мономаха // *Он же*. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 156 (примеч. 45).

¹⁵⁴ *Line Ph.* The Vikings and their Enemies: Warfare in Northern Europe 750–110. New York, 2015.

императоры. Военная выучка скандинавов, а также их нейтральность по отношению к враждующим группировкам при византийском дворе настолько высоко ценилась императорами, что в конце X в. скандинавы сменили армян в качестве императорских гвардейцев. С другой стороны, служба как в «гвардии», так и в действующей армии приносила и большое состояние, и славу — а именно деньги и слава были главными целями, к которым стремились викинги. «Гвардейцы» императора получали немалую плату, но кроме того, при смене императора — особенно насильственной — получали возможность разграбить часть императорских сокровищ. В исторической памяти скандинавов запечатлелись воспоминания о неисчислимом богатстве, привезённом Харальдом Сигурдарсоном (будущим норвежским королем Харальдом Суровым Правителем) после службы в Константинополе. О неисчислимом количестве вывезенного Харальдом золота говорят уже его скальды, а затем и авторы саг: «Это было такое большое богатство, что ни один человек в северных странах не видел во владении одного человека», — пишет Снорри Стурлусон двумя столетиями позже¹⁵⁵. Разумеется, Харальд занимал особое положение — он удостоился звания (впрочем, не слишком высокого) спафарокандидата и, видимо, возглавлял «дворцовых» варангов. Высокой — по скандинавским меркам — была и плата наёмникам в действующей армии. Но главным источником богатства был, конечно, вполне узаконенный грабёж побеждённых. Поэтому служба в Византии считалась в Скандинавии и престижной, и весьма прибыльной. На протяжении эпохи викингов формы военной службы скандинавов в Византии изменялись. С начала X в. они участвовали как вспомогательные силы в морских операциях византийцев, позднее составляли отдельные этерии в сухопутных войсках, а с конца X в. обеспечивали охрану императора, образуя «гвардейский» корпус, который во второй половине XI в. начал размываться поступающими на службу англосаксами.

Иначе обстояло дело с купцами. Вряд ли можно сомневаться в том, что знакомство с Византией после начавшихся в IX в. походов скандинавов в пределы империи и в Константинополь вызвало интерес у тех, кто предпочитал торговлю грабительским набегам. Богатство византийских рынков предметами роскоши, с одной стороны, и потребность самих византийцев в рабах, мехах и воске, с другой, открывали заманчивые перспективы для скандинавов. И они их попытались реализовать: неслучайно Ибн Хордадбех (IX в.) пишет о торговцах-русах в Византии¹⁵⁶. Однако закрепление скандинавов в Среднем Поднепровье кардинально изменило ситуацию. Свободное плаванье вниз по Днепру в Чёрное море оказалось перекрытым: захватившие власть в Киеве скандинавы сами начали вести активную торговлю с Византией, которая обеспечивала их экономическое благосостояние, и потому стремились ограничить, если не пресечь совсем,

¹⁵⁵ Haralds saga Sigurðarsonar. Bls. 87. Перевод на русский язык: Сага о Харальде Суровом. С. 411. См. об этом сюжете: Джаксон Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах: Избранные статьи. М., 2021. С. 251–262.

¹⁵⁶ См. примеч. 91.

проникновение торговцев непосредственно из Скандинавских стран на византийские рынки.

После принятия христианства в Скандинавских странах в конце X — первой половине XI в. возник ещё один стимул для поездок в Византию — посещение святых мест. Константинополь славился в христианском мире своими святынями, кроме того, через Византию лежал путь в Святую землю — наиболее привлекательное место паломничества. Поэтому уже в XI в. появляются сообщения о такого рода поездках, однако они немногочисленны, а в XII–XIII вв. основной целью паломничеств стал Рим. Однако со святынями Константинополя знакомились не только паломники, но и служившие или проезжавшие через столицу империи воины. Они посещали важнейшие храмы города и привозили обратно в Скандинавию реликвии и паломнические знаки, но прежде всего — сведения о тогдашней столице христианского мира.

Список литературы

Абу-л-Хасан ал-Мас'уди. Книга предупреждения и пересмотра / Абу-л-Хасан ал-Мас'уди ; пер. с араб. В. М. Бейлиса ; изд. подг. по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина и О. Б. Бубенок. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2021. — 662 с.

Васильевский, В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков / В. Г. Васильевский // Васильевский, В. Г. Труды / В. Г. Васильевский. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1908. — Т. 1. — С. 176–377. — URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/4899-t-1-vizantiya-i-pechenegi-varyago-russkaya-i-varyago-angliyskaya-druzhina-v-konstantinopole-xi-i-xii-vekov-o-varyago-russah-1908>. — (07.12.2022).

Глазырина, Г. В. О Торвальде Путешественнике (Forvalds þátrr víðförla и Kristni saga) / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год. — Москва : ГАУГН-Пресс, 2022. — С. 256–325.

Глазырина, Г. В. От язычества к истинной вере : путь главного героя древнеисландской *Саги об Одде Стреле* / Г. В. Глазырина // Церковная археология : материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). — Санкт-Петербург ; Псков : ИИМК РАН, 1995. — Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. — С. 85–87. — URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/Tserk_archeo_01_1995.pdf/view. — (07.12.2022).

Глазырина, Г. В. Путь на восток — путь к христианскому спасению : сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. — Москва : Индрик, 2010. — С. 384–404.

Голб, Н. Хазарско-еврейские документы X в. / Н. Голб, О. Прицак. — Москва ; Иерусалим : Гешарим, 1997. — 239 с. (2-е изд., испр. и доп. — Москва : Мосты культуры, 2003).

Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 годы. — Москва : Наука, 1991. — С. 5–169.

Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе : тексты, перевод, комментарий / Т. Н. Джаксон. — Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 779 с. — (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Джаксон, Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах : избранные статьи / Т. Н. Джаксон. — Москва : Квадрига, 2021. — 512 с.

Джаксон, Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности / Т. Н. Джаксон // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти раамат, 1988. — Вып. XXXII. — С. 117–128.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой ; авт. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. — Изд. 2-е. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2013. — 621 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. — Т. III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. — 250 с.; 2010. — Т. II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. — 372 с.; 2010. — Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. — 502 с.

Карпов, А. Ю. Перенесение перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь в контексте византийской политики Владимира Мономаха / А. Ю. Карпов // Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси / А. Ю. Карпов. — Москва : Квадрига, 2014. — С. 143–159.

Карпозилос, А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя / А. Карпозилос // Византийский временник. — 1988. — Т. 49. — С. 112–118. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/49/52701>. — (07.12.2022).

Коновалова, И. Г. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков / И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова. — Москва : Весь Мир, 2018. — 276 с.

Кузенков, П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. — Москва : Восточная литература, 2003. — С. 5–172.

Кузенков, П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. / П. В. Кузенков // Причерноморье в Средние века. — Москва : Издательство МГУ, 2011. — Вып. VIII. — С. 7–35.

Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — 398 с.

Литвина А. Ф. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов : историческая семантика имени. Москва : Индрик, 2007. — Вып. 2 / сост. Ф. Б. Успенский. — С. 135–188.

Литвина, А. Ф. Презрение к византийскому золоту: общие сюжетные элементы в летописи и саге / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени : (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). — Москва : Индрик, 2006. — С. 48–52. — (Славяне и их соседи. XXIII конференция, Москва, 2006 г.). — URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Slaviane_i_sosedi_XXIII_tezisy.pdf. — (07.12.2022).

Литовских, Е. В. Древнерусско-исландские связи в X–XIII вв. : Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» / Е. В. Литовский // Восточная Европа в древности и средневековье : XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2018. — С. 184–189.

Мельникова, Е. А. Византия в скандинавских рунических надписях / Е. А. Мельникова // Византийский временник. — 2005. — Т. 64. — С. 160–180. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/64/53329>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Византия и христианизация Скандинавии / Е. А. Мельникова // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ : сборник статей памяти профессора И. С. Чичурова / под ред. П. В. Кузенкова, А. А. Войтенко, М. В. Грацианского. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2012. — С. 211–225.

Мельникова, Е. А. Восточноевропейский мир IX–X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации / Е. А. Мельникова // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях : юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. — Москва : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2019. — С. 342–359. — URL: https://ebookiriran.ru/sites/default/files/2022-07/Nazarenko_2019.pdf. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Древнескандинавские географические сочинения : тексты, перевод, комментарий / Е. А. Мельникова. — Москва : Наука, 1986. — 230 с.

Мельникова, Е. А. Древнескандинавские итинерарии / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. — Москва : Восточная литература, 2001. — С. 363–436.

Мельникова, Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе / Е. А. Мельникова // Византийский временник. — 1996. — Т. 56. — С. 92–106. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/56/53018>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг / Е. А. Мельникова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 1. — С. 26–40. — URL: <https://history.rsuh.ru/jour/article/view/797>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Мельникова, Е. А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию / Е. А. Мельникова // Российская история. — 2019. — № 4. — С. 66–81. — URL: <https://russian-history.ru/s086956870005873-1-1/>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях / Е. А. Мельникова // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. — Москва: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. — С. 95–108.

Мельникова, Е. А. Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. — Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — С. 390–440.

Мельникова, Е. А. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. / Е. А. Мельникова, А. Б. Никитин, А. В. Фомин // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. — Москва: Наука, 1984. — С. 26–47.

Мельникова, Е. А. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // Славяноведение. — 1994. — № 2. — С. 56–68. — URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/slav-1994-2.pdf>. — (07.12.2022).

Петрухин, В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. — Москва: Восточная литература, 2000. — С. 222–229.

Поппэ, А. «Ис курилоцѣ» и «куриловицѣ» / А. Поппэ // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. — 1985. — Vol. 31–32. — P. 319–350.

Прокофьев, Н. И. Русские хождения XII–XV вв. / Н. И. Прокофьев // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина: литература Древней Руси и XVIII в. — 1970. — Т. 363. — С. 3–264.

Пчелов, Е. В. Олег Вещий: великий викинг Руси / Е. В. Пчелов. — Москва: Молодая гвардия, 2018. — 259 с.

Успенский, Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь : историко-филологические очерки / Ф. Б. Успенский. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 456 с. — URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Uspenskij.pdf. — (07.12.2022).

Филипчук, О. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? / О. Филипчук // Ruthenica. — Київ, 2008. — Вип. VII. — С. 7–29. — URL: <http://history.org.ua/JournALL/ruthenica/7/1.pdf>. — (07.12.2022).

Филипчук, О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники : дис. ... канд. іст. наук / Олександр Михайлович Филипчук. — Чернівці, 2010. — 183 с.

Филипчук, А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты / А. М. Филипчук // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2011. — С. 292–297.

Хагланд, Я.-Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния Восточных церквей / Я.-Р. Хагланд // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. — Москва : Восточная литература, 2004. — С. 259–286.

Щавелев, А. С. «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура / А. С. Щавелев // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana=Петербургские славянские и балканские исследования. — 2017. — № 1 (21). — С. 82–112. — <https://slavica-petropolitana.spbu.ru/files/2017-1/06-Schavelev.pdf>. — (07.12.2022).

Щавелев, А. С. Известие о «северных скифах» («росах») в разделе «Ναυμαχιᾱς» трактата «Γαλιτικᾱς» византийского императора Льва VI Мудрого / А. С. Щавелев // Историческая география / отв. ред. И. Г. Коновалова. — Москва : Кругъ, 2016. — Т. 3. — С. 236–250.

Щедрина, К. А. Царей держава : значение реликвий и символов Святого Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти : (историко-богословское исследование) / К. А. Щедрина. — Москва : б. и., 2000. — 62 с.

Androshchuk, F. Vikings in the East : Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100) / F. Androshchuk. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2013. — 272 p.

Audy, F. How were Byzantine coins used in Viking-Age Scandinavia? / F. Audy // Byzantium and the Viking World / ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2016. — P. 141–168.

Bysans och Norden : akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konstvetenskap 1986 / red. E. Piltz. — Uppsala : Uppsala Universitet, 1989. — 224 s.

Ciggaar, K. N. Western Travellers to Constantinople : the West and Byzantium, 962–1204 : Cultural and Political Relations / K. N. Ciggaar. — Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1996. — 396 p.

Coupland, S. The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911 / S. Coupland // The New Cambridge Medieval History / ed. R. McKitterick. —

Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — Vol. II. C. 700 — с. 900. — P. 190–201.

Duczko, W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden : Archaeological Finds and their Interpretation / W. Duczko // Rom und Byzanz im Norden : Mission und Glauberwechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / hrsg. M. Müller-Wille. — Stuttgart : Steiner, 1997. — Bd. 1. — S. 291–311.

Ellis Davidson, H. The Viking Road to Byzantium / H. Ellis Davidson. — London : Allen & Unwin, 1976. — 341 p.

Ferluga, J. Der byzantinische Handel nach Norden / J. Ferluga // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. — Teil IV. Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / hrsg. K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, and D. Timpe. — S. 616–642.

Från Bysans till Norden : östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / red. H. Janson. — Skellefteå : Artos, 2005. — 224 s.

Hägg, I. Birkas orientaliska praktplagg / I. Hägg // Fornvännen. — 1984. — Årg. 78. — S. 204–220 — URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?dswid=4405&pid=diva2%3A1225705>. — (07.12.2022).

Hägg, I. Silks in Birka / I. Hägg // Byzantium and the Viking World / ed. F. Androschchuk, J. Shepard, M. White. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2016. — P. 281–304.

Hammarberg, I. Byzantine Coins Found in Sweden / I. Hammarberg, B. Malmer, T. Zachrisson. — Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien ; London : Spink & Son, 1989. — 108 p.

Haussig, S. W. Der Seidenhandel über die Chazaren mit Byzanz und Skandinavien / S. W. Haussig // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) : actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979 / red. par R. Zeitler. — Uppsala : Almqvist & Wiksell international, 1981. — P. 187–194.

Jackson, T. N. The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia / T. N. Jackson // Three Studies on Vikings and Christianization / ed. M. Rindal. — Oslo : Research Council of Norway, 1994. — P. 7–17.

Kovalev, R. Were there Direct Contacts between Volga Bulgária and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence / R. Kovalev // Archivum Eurasiae Medii Aevi. — 2013. — Vol. 20. — P. 67–102.

Kromann, A. Mønterne fra Byzanz / A. Kromann // Bysans och Norden : akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konstvetenskap 1986 / red. E. Piltz. — Uppsala : Uppsala Universitet, 1989. — S. 81–90.

Line, Ph. The Vikings and their Enemies : Warfare in Northern Europe 750–110 / Ph. Line. — New York : Skyhorse Publishing, 2015. — 360 p.

Lopez, R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire / R. S. Lopez // *Speculum*. — 1945. — Vol. 20. — P. 1–42.

Malmer, B. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Century A.D. / B. Malmer // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) : actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979* / red. par R. Zeitler. — Uppsala : Almqvist & Wiksell international, 1981. — P. 125–129.

Mango, C. Studies on Constantinople / C. Mango. — Aldershot : Variorum, 1993. — 274 p.

Melnikova, E. The Death in the Horse's Skull : the Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions / E. Melnikova // *Gudar på jorden : festskrift till Lars Lönnroth* / red. S. Hansson, M. Malm. — Eslöv : Symposion, 2000. — S. 152–168.

Melnikova, E. Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries / E. Melnikova // *Från Bysans till Norden : östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / red. H. Janson. — Skellefteå : Artos, 2005. — S. 87–124.

Piltz, E. Varangian Companies for Long Distance Trade : Aspects of Interchange between Scandinavia, Rus' and Byzantium / E. Piltz // *Byzantium and Islam in Scandinavia : Acts of a Symposium at Uppsala University June 15–16 1996* / ed. E. Piltz. — Göteborg : Årström, 1998. — P. 85–106.

Quak, A. Ist Pop Upir' Lichoj mit dem Runenmeister Øpir identisch? / A. Quak // *Scando-Slavica*. — 1985. — Vol. 31. — P. 145–150.

Riant, P. E. Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades / P. E. Riant. — Paris : A. Lainé et J. Havard, 1865. — 448 p. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57968157.texteImage>. — (07.12.2022).

Scheel, R. Skandinavien und Byzanz : Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen / R. Scheel. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. — 1343 S.

Shepard, J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? / J. Shepard // *Early Medieval Europe*. — 1995. — Vol. 4, issue 1. — P. 41–60.

Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium : an Aspect of Byzantine Military History / Sigfús Blöndal ; transl., revised, and rewritten by B. S. Benedikz. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1978. — 242 p.

Sjöberg, A. Pop Upir' Lichoj and the Swedish Rune-Carver Ofeigr Upir / A. Sjöberg // *Scando-Slavica*. — 1982. — Vol. 28. — P. 109–124.

Sjöberg, A. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? / A. Sjöberg // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age : Papers of the VIIth Visby Symposium Held at Gotlands Fornsal, Gotland's Historical Museum, Visby August 15th–19th, 1983* / ed. Sven-Olof Lindquist ; assist. ed. B. Radhe. — Visby : Gotlands fornsl, 1985. — P. 69–78. — (Acta Visbyensia. Vol. VII).

Sjöberg, A. Öpir — runristare i Uppland och hovpredikant i Novgorod / A. Sjöberg // *Långhundraleden : en seglats i tid och rum : 50 bidrag om den gamla*

vattenleden från Trälhavet till Uppsala genom årtusendena / sammanställda av redaktionsgruppen inom Arbetsgruppen Långhundraleden. — Uppsala : Arbetsgruppen, 1993. — S. 184–188.

Sverrir Jakobsson. Centre and Periphery in Icelandic Medieval Discourse / Sverrir Jakobsson // Á austrvega : Saga and East Scandinavia : Preprints Papers of the 14th International Saga Conference : Uppsala, 9th–15th August 2009 / ed. A. Ney, H. Williams and Fr. Charpentier Ljungqvist. — Gävle : Gävle University Press, 2009. — P. 918–924. — URL: <http://hig.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A224754&dswid=7769>. — (07.12.2022).

Sverrir Jakobsson. The Varangians : In God's Holy Fire / Sverrir Jakobsson. — Cham : Palgrave Macmillan, 2020. — 212 p.

The Normans in Europe / ed. and trans. by E. van Houts. — Manchester : Manchester University Press, 2000. — 308 p.

The Viking World / ed. by St. Brink in collaboration with P. Nice. — London ; New York : Routledge, 2008. — 717 p.